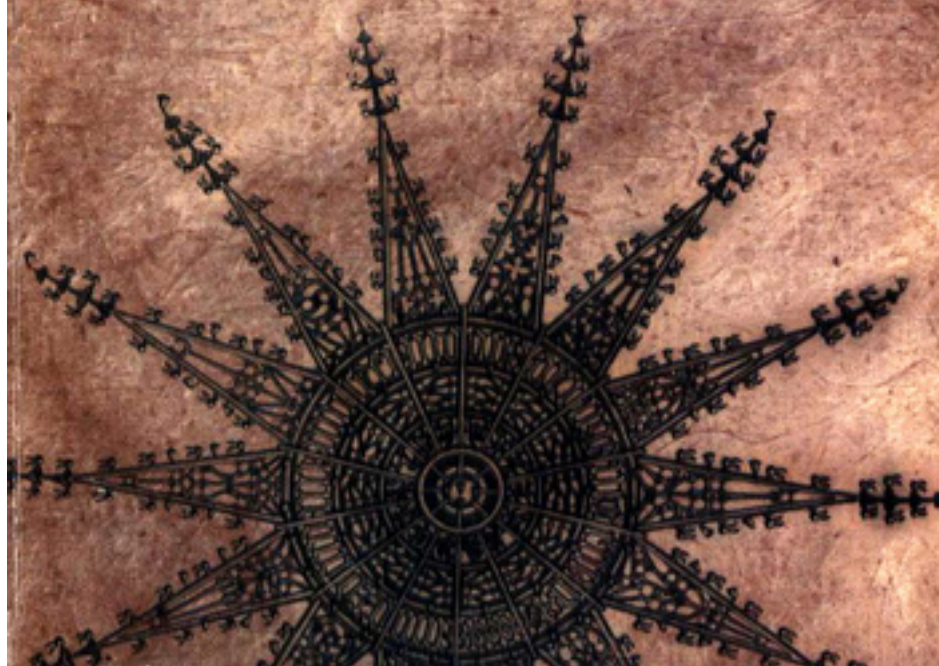

Тимур Лукьянов

Тайный орден

рыцарский роман

Тимур Леонидович Лукьянов
Тайный орден
Серия «Орден Храма», книга 1

Издательский текст
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=638985
Тайный орден: Реноме; СПб.; 2008
ISBN 978-5-98947-129-4

Аннотация

Что такое добро и зло? В чем смысл человеческой жизни? Что есть Бог? Автор высказывает свою точку зрения о тайных причинах подготовки Первого крестового похода, о движении крестоносцев, о зарождении духовных рыцарских орденов; пытается найти ответы на извечные философские вопросы.

Предлагаемая читателю книга, написанная на историческом материале, на грани жанров рыцарского романа и фэнтези, переносит читателя в конец эпохи «темных веков», во Францию 90-х годов XI века. Главный герой, молодой шампанский рыцарь, будущий основатель ордена Храма, оказывается на переднем крае противоборства вселенских сил света и тьмы. Реальные исторические события и персонажи, интриги и сражения, любовь и вера вплетены в героико-мистический сюжет этой романтической саги.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	7
Глава 2	14
Глава 3	25
Глава 4	34
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Тимур Леонидович Лукьянов

Тайный орден

Праведен Господь во всех путях Своих и благ во всех делах Своих¹.

Пролог

Во второй половине одиннадцатого века в Европе заканчивалось время «темных веков», время невежества и безвластия, порожденное гибелью старого имперского Рима и продлившееся столетия. Предпринятая в начале девятого века, попытка Карла Великого возродить былое величие Европы завязла в распрях потомков императора. Потому к одиннадцатому столетию от былого величия династии Каролингов мало что осталось, кроме живущих в народе воспоминаний, обращенных в легенды, да развалин старых дворцов. Королевская Франция того времени представляла собой страну, находящуюся в состоянии феодальной раздробленности и экономической разрухи. А с тех пор, когда в 1058 году король Генрих-первый Капет потерпел сокрушительное поражение при Варавилле от герцога Нормандии Вильгельма Незаконнорожденного, более известного впоследствии как Вильгельм Завоеватель, королевская власть ослабла чрезвычайно. Следующий французский король Филипп I (1053–1108) был отлучен от церкви за его распутный образ жизни и скандальное поведение. В 1092 году он, вопреки всем церковным и мирским законам, расторг свой брак с Бертой Голландской и похитил Бертрану де Монфор, жену герцога Анжуйского. Погрязший в своих личных проблемах, король Филипп I в политике действовал вяло и потому, в сущности, непосредственное влияние французского короля ограничивалось только Парижской и Орлеанской областями, в то время, как со всех сторон королевский домен² окружали земли влиятельных и опасных вассалов французской короны.

Сын Генриха-первого Капета и Анны Ярославны Киевской, французский король Филипп-первый не отличался ни сильной волей, ни храбростью и правил страной нерешительно, не рискуя прогневать своих сильнейших вассалов. Лишь изредка король пытался производить какие-то активные действия в своем королевстве, наиболее заметными из которых были распря с Вильгельмом Завоевателем из-за сюзеренитета³ над Бретанью и конфликт с графом Анжуйским из-за Бертраны де Монфор. Долгие сорок восемь лет правления Филиппа-первого не принесли почти никакой пользы Франции, если не считать земельных прибавлений к собственным владениям короля (графства Вермандуа и Гатинэ). Но именно такая политика вполне устраивала наиболее могущественных королевских подданных, ставящих свои личные интересы гораздо выше интересов короны.

Король не обладал большой армией и администрацией, и могущественные вассалы французской короны, герцоги Нормандский, Бургундский и Аквитанский, графы Фландрский и Анжуйский во многих случаях проводили полностью независимую от короля политику. Тулузский граф подчинил себе почти всех соседей на юге, сделавшись чуть ли не единовластным правителем Лангедока и большей части Прованса, а Блуаский графский дом, владевший огромными территориями, был в то время настолько богат и силен, что могуществом и великолепием своим превосходил королевскую власть. Все эти и другие, подобные им, властители французских земель, оставаясь формально вассалами короля Франции, на деле часто игнорировали свои обязанности «людей короля» и под малейшим предлогом

² Домен – владения верховного феодала.

³ Сюзеренитет – феодальное подчинение.

были готовы восстать против своего государя, о чем король хорошо знал и чего опасался, боясь прогневать своих грозных поданных.

Следуя примеру графов и герцогов, малые вассалы, которых насчитывалась не одна сотня, тоже старались отстаивать свою независимость, насколько это позволялось расстоянием от крепостей крупнейших сеньоров и короля, прочностью собственных укреплений и количеством подчиненных рыцарей. Причем, два последних фактора напрямую зависели от количества золота в казне феодала. Именно поэтому все эти мелкие князьки, пользуясь своей безнаказанностью и не считаясь с законами, отбирали у своих подданных почти все, что могли и зверски расправлялись с недовольными. Те из притесняемых, кто не считал возможным далее терпеть произвол, в свою очередь, собирались в банды и выходили на большие дороги, где грабили и убивали тех, кто был слабее их. Беззаконие, грабеж и насилие сделались самым обычным жизненным условием того времени. Безвластие и произвол царили на землях Франции почти повсеместно. Старые кое-как укрепленные дома феодалов, обнесенные частоколом, и с деревянной башней посередине, уже не спасали своих хозяев от разгула преступности и повсеместно сменялись мощными каменными замками, прячась за высокими стенами которых, местечковые властители могли держать себя вызывающе даже с королем.

Помимо остальных жизненных невзгод, в последние пятнадцать лет одиннадцатого столетия долгая череда эпидемий и неурожайных «тощих лет» постигла Запад Европы. Сотни тысяч крестьян умирали от голода и моровых болезней, и даже многие феодалы жили почти что впроголодь. Доведенные до отчаяния люди собирались в вооруженные шайки, убивая себе подобных уже даже не из жажды наживы, а из элементарного чувства голода. Некоторые, подобно шакалам, не гнушались раскапывать могилы своих ближних и съедать мертвецов. Дороги Франции в это время таили в себе смертельную опасность для любого путешественника, отважившегося отправиться в путь без многочисленной и хорошо вооруженной охраны, но и охрана спасала далеко не всегда. Такое положение сильно осложняло торговлю. Многие владельцы поместий, окончательно разорившись, но будучи искушенными в военном деле, предлагали свои услуги тем, кто в это тяжелое и голодное время еще был в состоянии за них заплатить. Но предложение сильно опережало спрос, и такие «странствующие рыцари», «солдаты удачи» по сути, часто воевали на собственный страх и риск, захватывая чужие земли, замки, людей и имущество. Королевская власть почти бездействовала, и только великие князья Франции оставались способными поддерживать в эти тяжелые годы на своих собственных территориях какую-то видимость порядка и законности.

Обнищавший, страдающий от напастей народ в поисках исцеления души и тела продолжал уповать на веру в Господа, и церковь пользовалась этими народными чаяниями для укрепления собственной власти. В то же время, католическая церковь не могла помочь слишком многим, и тысячи людей искали утешения в других религиозных течениях. Появилось немало странствующих монахов, проповедующих мистические учения, и, как говорили, сведущих не только в целительстве, но и в магии.

Зародившееся в глубине «темных веков» рыцарство входило в ту пору в период своего расцвета: внешняя символика и обряды посвящения постепенно приобретали все большую значимость. Но рыцарские турниры, пиры и празднества требовали огромных затрат, и лишь немногие феодалы в это скудное материальными благами время были в состоянии устраивать подобные развлечения. Да и нравы самих рыцарей еще отнюдь не отличались той изысканной утонченностью и куртуазностью, которая появилась только пару столетий позже.

Закон майората жестко устанавливал первенство старшего сына при получении наследства, и младшие мальчики в семье с малолетства готовились либо к жизни странствующего воина, либо к карьере священнослужителя. Многие младшие сыновья после смерти своих знатных отцов не получали ничего, кроме боевого коня, доспехов и оружия. Такие

люди полностью зависели от воли и милости старших братьев и без их разрешения не имели права даже официально жениться. Именно в этой среде странствующих рыцарей, возмужавших младших отпрысков благородных семейств, и сложилось романтическое отношение к прекрасной даме, как постоянное стремление к идеалу возвышенному, но, увы, почти недостижимому в реальной жизни.

На деле же, среди подавляющего большинства этих воинственных, часто неграмотных и совершенно некультурных людей процветал дикий разгул. Захватывая селения они массовым образом насиловали беззащитных женщин, даже не снимая при этом доспехов, и пили спиртное до помутнения рассудка, а покоренные города и замки, согласно обычаю, отдавались победителям на трехдневное разграбление, что тоже считалось обыденным явлением той эпохи, и ни у кого, кроме самих потерпевших, не вызывало возмущения. Времена были суровыми, и право сильного господствовало безраздельно.

Глава 1

Поединок в лесу

Долгий спуск заканчивался. Заснеженные вершины и последний перевал оставались за спиной всадника. Впереди ниже по склону сплошной полосой вставал хвойный лес, и узкая дорога терялась в нем. Все что угодно могло таиться там, под пологом вековых елей, но проезжий был готов к неожиданностям и решительно прищпорил лошадь.

Лес предгорий встретил всадника неверными тенями колышущихся на весеннем ветру ветвей, запахом хвои и прелой земли. Поначалу деревья обступали дорогу плотной стеной, но вскоре впереди показался просвет, и проезжий выехал на большую поляну, которую лесная дорога пересекала от края до края. Странная тишина повисла здесь. Тревожная тишина. Не было слышно ни птиц, ни ветра. Пегая лошадь дернула ушами, захрапела и остановилась. В прошлогодней сухой траве, чуть в стороне от дороги, проезжий заметил белеющие кости. Кому они принадлежали, зверю или человеку, он не успел разглядеть, потому что его внимание привлекло нечто иное: на другом конце поляны, впереди, там, где дорога опять исчезала в лесу, произошло какое-то движение, и из-за деревьев выехал всадник на громадном черном коне.

Крупный, широкий в плечах мужчина лет тридцати пяти с густыми усами и черной окладистой бородой уверенно держался в высоком седле. Голову его прикрывал стальной шлем. Одет всадник был в добротную длиннополую кольчугу, перепоясанную золоченым рыцарским поясом с заткнутым за него изогнутым мавританским кинжалом, а поверх кольчуги на плечи всадника был наброшен плащ бурого цвета, и из-под плаща выглядывали ножны меча. В левой руке воин держал большой продолговатый щит с незамысловатым гербом, состоящим из широкой косой красной полосы на зеленом поле, а в правой – поднятое вверх копьё.

Следом за первым всадником на поляну выехали еще трое конных, но, судя по их более скромному вооружению, все они были не более чем оруженосцами рыцаря.

– Эй, слезай с лошади! Дальше для тебя пути нет. – Вместо приветствия прокричал чернобородый на иберийском наречии, и это сразу выдало, что рожден он был по другую сторону Пиренеев, в Испании.

– Кто ты такой и почему пытаешься меня задержать? – Спросил проезжий на том же языке, и в голосе его не было робости.

– Я рыцарь Арчи де Веро. Я хозяин этого леса и Лесного замка и вправе задерживать всех на этой дороге, потому что это моя дорога. – Раскатисто произнес рыцарь, выехавший из леса.

– Но дороги не принадлежат никому, кроме королей. – Возразил проезжий.

– Отсюда до ближайшего короля далеко. – Усмехнулся де Веро, ничуть не смутившись, и добавил:

– А в отсутствие королей я охраняю эту лесную дорогу и не допускаю проезда по ней вооруженных людей со стороны гор.

– Но здесь уже не испанские земли, и ты не имеешь права задерживать в этих краях данников короля Франции! – Возмутился проезжий.

– Еще как имею. Ты же не станешь отрицать, что вооружен, и что на твоём лбу не написано, чей ты данник, ведь верно? Мой отец и мой дед тоже охраняли эту дорогу. В предгорьях Пиренеев всегда неспокойно, а я опоясанный христианский рыцарь и не тебе меня учить, как мне жить и кого останавливать. Ты, невежа, даже не назвал мне своего имени, хотя по всем знакам я вижу, что ты тоже, вроде бы, человек военный.

– Я подданный короля франков Филиппа Капета, мое имя Гуго де Пейн, и родом я из Шампани, – представился проезжий и добавил:

– И я не собираюсь поучать тебя. Я еду из Арагона. Два года честно служил я доблестному королю Санчо Рамиресу, и теперь возвращаюсь на родину, чтобы почтить прах моих покойных родителей. Цель моей поездки весьма мирная, а вооружен я лишь ради защиты. Так что, сделай милость, дай мне спокойно проехать.

– Ты хорошо рассказываешь. Но почему я должен верить тебе? Давай подорожную. А если у тебя ее нет, то ты спокойно проедешь по этой дороге только в двух случаях. Либо, заплатив пошлину за проезд через эти лесные угодья, либо через мой труп. – Пробасил де Веро.

– У меня нет подорожной. Покидая Арагон я не запасся ею, полагая, что поеду на родину по христианским землям, где братья во Христе встретят меня как друга. Не думал я, что такие как ты промышляют на лесных дорогах наподобие гнусных разбойников.

– Я не разбойник. Я пограничный страж. И не советую меня оскорблять.

– Если ты и вправду страж границы, у тебя должен иметься указ с королевской печатью. Так предъяви же его, и я подчинюсь в том случае, если требования твои законны.

Испанец побагровел и, почти рыча от злости, прокричал:

– Строишь из себя умника? Лучше не шути со мной! Предупреждаю: заплати пошлину и проезжай или мой меч и мое копье станут тебе последним указом.

– И какова же плата? – Тихо спросил де Пейн.

– Одна из твоих лошадей, – недобро усмехнувшись, рявкнул испанец.

– Но это бесчестная плата. Ты же видишь, что у меня и так всего одна лошадь, и я не могу отказаться от нее в начале дальней дороги.

– Ты назвал пошлину за проезд через границу бесчестной платой. Или, быть может, я ослышался? – С вызовом в голосе произнес де Веро.

– Ты понял верно мои слова. – Без эмоций сказал проезжий.

– Ах, вот как! Только что ты оскорбил меня на глазах у моих оруженосцев, посчитав бесчестным, и я, как и подобает христианскому рыцарю, вызываю тебя на бой! – Прокричал чернобородый.

– Но я не хочу ссориться с тобой, я такой же христианский рыцарь, как и ты, но я считаю, что не гоже добрым христианам драться друг с другом. – Не повышая голоса, произнес де Пейн.

– А я думаю по-иному. И, если ты действительно рыцарь, то я предлагаю тебе биться на копьях, а не хочешь биться, – тогда слезай с лошади и отдай мне меч. – Грозовым басом прогудел испанец.

– Я не смогу биться с тобой на копьях, потому что у меня нет ни копья, ни щита. Последнее свое копье я недавно сломал в бою с маврами по ту сторону гор. Там же мне разбили и щит. – Оставаясь спокойным, произнес француз.

– Раз у тебя нет ни копья, ни щита, то предлагаю тебе сдаться без боя и отдать мне, как сильнейшему, свою лошадь, упряжь и вооружение, в противном случае, я заполучу все это ценой твоей жизни! – Прокричал Арчи, все более распаляясь и уже опуская свое копье в боевое положение.

– Может, ты убережешь щит и копье, и мы сразимся на мечах в честном бою? Или прикажи своим людям дать и мне копье и щит. – Все еще спокойно предложил Гуго де Пейн, глядя прямо в злые, налитые кровью глаза де Веро.

– Еще чего! Если испугался моего копья, тогда сдавайся! – Взревел испанец.

– Ты дерзок непомерно, но не в правилах рыцарской чести нападать, имея заранее преимущество, и ты нарушаешь обычай. Подумай, какая дурная слава пойдет о тебе. – Все также

внешне спокойно произнес шампанский рыцарь, и лишь бешеный блеск его карих глаз выдавал сильное внутреннее волнение.

– Но, кажется, здесь нет свидетелей, кроме моих верных людей, и ничто не мешает мне пощекотать тебя острым железом, если ты сейчас же не заплатишь пошнину, либо не повернешь назад. – Ухмыльнулся Арчи, поднимая щит и явно намереваясь атаковать.

Разительная перемена в один миг произошла с шампанцем. Лицо его побледнело. Он выпрямился в седле, а правая рука его легла на рукоять меча. Ясно и громко он произнес:

– Ты поступаешь как гнусный лесной разбойник, а не как честный христианин! Но знай, дерзкий человек, что я не отступаю до тех пор, пока число врагов втроекратно не превосходит мои силы, но и тогда я пытаюсь сделать все возможное для победы. Ибо настоящий рыцарь не тот, кто похвастается своей силой и доблестью, а лишь тот, кто несет в мир Божию справедливость и отстаивает правое дело ценой своей жизни.

– Что ж, сейчас мы увидим насколько ты тянешь на настоящего рыцаря, недоносок! Защищайся! – Прокричал Арчи, и, ударив шпорами, решительно направил своего тяжелого боевого коня наперерез поджарой кобыле де Пейна.

Но пегая лошадь последнего, хоть и выглядела гораздо слабее и меньше огромного скакуна испанца, прошла трудный боевой путь в испанских горах. Кобыла оказалась проворнее коня и, повинувшись своему седоку, выручила его, легко отпрыгнув в сторону в самый последний момент. И как раз вовремя для того, чтобы де Пейн смог, приподнявшись на стременах, нанести удар кончиком меча точно по шлему атакующего, в тот самый миг, когда копье последнего прошло всего в паре дюймов от шлема француза.

От удара мечом голова испанца загудела под стальным шишаком, как медный колокол, и, оглушенный, он всплеснул руками, выпустил поводья и, уронив копье, слетел в траву со своего боевого коня. Гуго де Пейн тут же спешился, убрал меч в ножны и, наклонившись к упавшему, подал руку, желая помочь поверженному наземь противнику подняться на ноги. Но Арчи де Веро уже пришел в себя и с такой неожиданной силой потянул де Пейна за руку вниз, что тот упал на испанца, и вместе они покатались по земле, сцепившись, и схватив друг друга за горло.

Свободной рукой Арчи де Веро выхватил свой большой изогнутый кинжал и пару раз ткнул им француза в бок, но места для размаха не было, и двойная кольчуга из черненой стали, захваченная де Пейном на войне с маврами, не пропустила лезвие.

Тем временем, шампанский рыцарь ударил противника по лицу кулаком, освободился от хватки и вскочил на ноги. Одновременно то же самое, не обращая внимания на разбитый нос, сделал и его противник.

Теперь они стояли друг против друга как два разъяренных льва, отстаивающих каждый свою территорию. В руках у обоих противников сверкали смертоносные стальные клинки. Арчи отпрыгнул назад и, ловко заткнув за пояс кривой мавританский кинжал, выхватил из ножен широкий нормандский меч, левой рукой прикрываясь своим большим щитом, который он уже успел подобрать с земли после падения с лошади. Гуго де Пейн в правой руке сжимал узкий, но более длинный, чем у противника прямой обоюдоострый испанский меч, а в левой мизерикордию⁴ – рыцарский кинжал с тонким, но очень прочным лезвием.

– Последний раз предлагаю прекратить эту бессмысленную драку, – сказал Гуго.

– Не дожدهшься! – Прорычал его противник и перешел в наступление.

Прикрываясь щитом, он принялся с таким остервенением рубить своим тяжелым мечом воздух, что все вокруг них загудело, и, как показалось де Пейну, даже поднялся ветер.

⁴ Мизерикордия – рыцарский кинжал, использующийся для поражения противника через щели доспеха; другое название «милосердник», поскольку часто применялся для добивания раненых с целью прервать их мучения быстрой смертью.

Нечего было и думать парировать столь мощные удары. Гуго всякий раз приходилось с трудом уворачиваться и отпрыгивать в сторону.

Только теперь француз понял, насколько его противник силен и опасен. Де Веро был и заметно плотнее, шире в плечах, и выше шампанца почти на целую голову. Такого одолеть не просто. Рубить мечом в ответ смысла не имело: у Арчи де Веро был надежный щит, и рубящие удары означали бы для Гуго лишь пустую потерю сил на разбивание этого прочного, окованного железом, препятствия. Единственное, на что можно было надеяться шампанцу, так это на точный укол мечом или кинжалом в лицо или горло, поскольку все остальное тело противника было надежно укрыто сталью.

Они дрались уже долго. Рыцари обливались потом под своими кольчугами и тяжело дышали, но оба еще были достаточно проворны, и никто пока не получил ни серьезных ран, ни увечий. Но Арчи уставал чуть быстрее: наверное, сказывалась тяжесть щита и, быть может то, что в пылу схватки испанец, в отличие от франка, не подумал снять с себя длинный плащ, который теперь только мешал ему драться.

Движения противника чуть-чуть замедлились, когда вдруг, изловчившись, Гуго де Пейн удачно, ловким приемом, подставил меч под очередной удар, проворно поднырнул под правую руку испанца и левой рукой воткнул свой длинный кинжал тому в горло под самый подбородок так стремительно, что Арчи де Веро не успел отбить быстрый клинок своим тяжелым щитом. Испанец издал громкий хлюпающий звук, серые глаза его широко раскрылись от боли и изумления, а изо рта хлынул алый поток. Не в силах более сражаться, он уронил меч, зашатался, откинул свой большой тяжелый щит и упал на траву, руками пытаясь остановить кровь из ужасной раны на шее. Но кровь продолжала хлестать, проходя сквозь пальцы и стекая на землю.

Через несколько страшных минут, в течение которых лесной рыцарь безуспешно боролся со смертью, все было кончено. Де Веро забился в агонии и скончался. Трое его людей в поединок не вмешивались, они давно спешили и теперь молча стояли над своим хозяином, неподвижно лежащим вниз лицом в окровавленной траве. Никто из них даже не пытался напасть на де Пейна: оруженосцы убитого были подавлены и растеряны, по всей видимости, никто из них и не ожидал такого исхода дела, скорее всего, погибший неизменно выходил победителем из подобных стычек.

— Господи, прости меня, если можешь, за эту смерть, ты знаешь, что я не желал ее, но иного выбора ты мне не оставил. Прости, что я убил брата своего во Христе. — Молился де Пейн перед крестовиной своего, воткнутого в землю, меча, стоя на коленях над мертвым телом.

Затем француз взял оружие убитого, поймал его коня, бродившего чуть поодаль, и начал привязывать уздечку к своему седлу. Гуго де Пейн уже пару лет ездил и воевал на кобыле по кличке Босеан. Это была молодая, но уже крепкая, выносливая и хорошо обученная лошадь, послушная своему хозяину, хотя чистота ее породы оставляла желать лучшего, а непритязательная пегая расцветка не давала возможности ее владельцу, проезжая, обращать на себя внимание знатных особ. Поэтому, осмотрев добычу, де Пейн остался доволен: прекрасно обученный рыцарский конь черной масти представлял собой крупное, хорошо ухоженное животное чистых иберийских кровей в расцвете сил и стоил один целого состояния. Еще совсем недавно о таком коне Гуго, будучи весьма небогатым, мог только мечтать.

— Справедливый сеньор, сделайте милость, оставьте хотя бы этого коня, ради пропитания вдовы и пятерых детей покойного. — Неожиданно взмолился седеющий оруженосец, старший из людей погибшего рыцаря.

— А я думал, что ваш хозяин богат, раз он назвался владельцем Лесного замка. — Сказал француз.

– Этот «замок» на самом деле всего лишь ветхая хижина, в которую мы все перебрались после бегства из Испании, когда проклятые мавры отобрали наше имущество и изгнали нас с наших земель.

– И многих путников порешил ваш патрон⁵ на этой дороге?

– Это был его единственный заработок, но он всегда вызывал противников на бой и сражался с ними один на один, как честный рыцарь.

– Как сегодня, например? Своими манерами он показался мне скорее разбойником. Где это видано, нападать с копьем и щитом, когда у противника имеется только меч?

– Простите его, сеньор. Он уже заплатил жизнью за свою ошибку. – Произнес пожилой оруженосец, опустив глаза.

– И то верно. Что ж, я не возьму ни его коня, ни меч, ни доспехи. В память об этом поединке я оставляю себе только щит и копье, и надеюсь, чтобы везти трофеи вы дадите мне хоть какую-нибудь лошаденку? Мне предстоит долгий путь, и запасная лошадка будет весьма кстати. – Сказал франк, легко отказываясь от лучшей доли законной добычи, ибо алчность и мелочность всегда были противны этому человеку, и уж тем более, ему не хотелось наживаться на несчастье сирот.

Оруженосцы убитого молча подвели де Пейну одну из своих лошадей, такую же пегую и некрасивую, как и собственная кобыла Гуго, хотя вовсе не такую высокую, и привязали к ее седлу копье и щит поверженного лесного рыцаря.

– Передайте вдове мои соболезнования. Господь свидетель, я не желал этого убийства, но если бы я не проткнул ему горло, сейчас сам лежал бы вместо него. – Сказал победитель оруженосцам покойного, и с этими словами он отпустил черного коня и бросил захваченный в бою меч рядом с телом убитого.

Привязав к своему седлу уздечку запасной лошади, Гуго де Пейн тронулся в путь.

Вскоре он углубился в лесную чащу. На душе его было тяжело. В который уже раз он размышлял о том, что профессия воина сродни профессии мясника. Так же хорошо нужно обращаться с острым инструментом и уметь пускать кровь. Только, в отличие от мясника, воин имеет дело с кровью человеческой. И жизни он отнимает тоже людские. Какое он имеет право отнимать жизнь у других? Говорят, что сила и удача даются Богом, но значит ли это, что удачливый и сильнейший всегда поступает справедливо, побеждая других, более слабых и менее удачливых? А, может, наоборот, силу и везение дает дьявол, ввергая человека в искушение, заставляя служить себе?

Но Гуго не видел в своем поступке ничего дьявольского. Скольких путников погубил тот рыцарь, убитый им сегодня на лесной поляне? А не одолей он его, лежать бы ему самому там, а скольких бы добрых христиан лесной убийца еще заколол своим длинным копьем? Так кто же действовал по наущению дьявола? Да, остались сиротами дети, безутешна вдова, но разве лучше было бы, если бы убийства на лесной дороге продолжались? Разве у тех, кого убивал Арчи де Веро не оставались дома матери, вдовы и дети?

Конечно, был и иной выбор. Можно было, наверное, развернуть лошадь и поискать другую дорогу в нужном направлении, но Гуго де Пейн не был уверен, что в этом случае де Веро не напал бы на него со спины. Да и разве имеет право христианский рыцарь на трусливое отступление? Разве мог он бежать от опасности? Нет, наверное, это сам Господь привел его, де Пейна, на эту поляну. Привел, чтобы восторжествовала справедливость...

Рассуждая так, Гуго немного успокоился. Теперь он не чувствовал за собой вины. Просто было тяжело и противно, и стыдно. Стыдно за этого Арчи де Веро, за этого бессовестного человека, убивавшего себе подобных на лесной дороге во имя пропитания своей семьи. Чем же он тогда отличался от кровожадного зверя, поедающего своих сородичей ради про-

⁵ Патрон – начальник (*фр.*).

корма? Или некоторые люди от зверей отличаются только внешне? Что ж, может оно и так. Во всяком случае, жизнь самого де Пейна говорила об этом многими примерами. Повсюду видел он торжество права силы и мести, глупые кровопролитные ссоры, страшные казни. Где же она, христианская добродетель? Где они, добрые люди? Почему их так мало вокруг? Почему на белом свете так много жестокости и крови? Неужели все это угодно Богу? Но чем же тогда Бог отличается от дьявола? Гуго де Пейн часто и много размышлял над этими вопросами, но ответов не находил никогда.

Вскоре шампанский рыцарь получил новую почву для продолжения своих размышлений. Через два дня пути, проезжая по землям Лангедока, де Пейн остановился на постоялом дворе в окрестностях небольшого городка Альби. Внезапно в трактир, где он обедал, вошел оборванный нищий старик, опирающийся на сучковатую палку.

– Подайте ради Христа и спасения души! – Просил он милостыню, протягивая тощую, костлявую руку.

Но люди, сидящие в трактире, двое проезжих купцов со своей наемной охраной, состоящей из дюжины провансальских вояк, не спешили подавать просящему, делая вид, что вовсе не замечают его. Гуго пожалел старика. Он отдал ему несколько мелких серебряных монет и сверх того попросил трактирщика накормить нищего.

Старик не отказался, он уселся подле де Пейна на грубо сколоченную деревянную лавку и внимательно смотрел на молодого рыцаря, но съел нищий совсем немного. К мясу и вину он не притронулся, хотя и казался на вид очень голодным. Старик съел только две небольших лепешки, запив их простой водой, а еще три таких же взял про запас, завернув их в грязную тряпицу.

– Откуда вы, отец, и как дошли до жизни такой? – Спросил Гуго.

– Я из павликиан, добрый юноша, но в этих краях нас охотнее называют катарами. Я родился здесь, но происхожу из последователей святого Павла, Апостола Иисуса Христа. Мои предки пришли с востока, из Болгарии. Двести лет назад проклятые греки вместе с их нечестивым патриархом прогнали нас из наших родных мест. И вот, давно уже ходят братья наши по землям Лангедока, наставляя людей на путь истинный, на путь спасения души.

– А разве церковь не делает то же самое?

– Церковь погрязла во грехе. И попали служители ее под власть дьявольскую. И забыли служители ее то, к чему предназначены были. И не учат они людей Спасению, а лишь набивают закрома свои, отбирая у бедных добро последнее.

Старый павликианин говорил тихо, но твердо, с такой великой убежденностью, что от слов его по спине Гуго де Пейна даже побежали мурашки.

– Запомни, юноша, есть Бог, и есть Дьявол. Есть Свет, и есть Тьма. И изначально дух человеческий чист, как свет солнечный. Ибо каждая душа есть частица Бога. И раньше мир весь состоял из света, и населяли его ангелы бестелесные. Но потом дьявол выстроил свой мир. И ты видишь результаты трудов дьявола вокруг себя. Ибо весь этот грубый мир выстроен дьяволом с единственной целью: заключить души людские в тюрьму плоти, чтобы мучить их соблазнами и искушениями. Посему вся материя греховна. Ибо вся материя исходит от дьявола. А все дьявольское есть тьма, и эта тьма всюду.

– Так значит, по-вашему, мы живем в мире дьявола?

– Конечно.

– Но в Священном Писании сказано, что мир создал Бог.

– Бог создал истинный мир, но не этот. А этот – лишь отражение мира настоящего. Грубое отражение, искаженное дьяволом. И даже священные писания здесь искажены. Посмотри, сколько вокруг несправедливости и боли. Разве может быть такое сотворено Богом?

– Так что же, по-вашему, отец, получается, что все мы живем в аду?

– Да, добрый юноша, говорю тебе истинно, этот мир и есть преддверие ада. Но те, кто грешит, кто поддается соблазнам дьявольским, после смерти опустятся еще ниже, в самое пекло. И только души праведников смогут вырваться и подняться к Богу. Ибо Иисус Христос, Спаситель наш и Утешитель, научил людей, как спастись от дьявола.

– Но если весь этот мир так уж плох, зачем тогда жить? Не лучше ли сразу покончить с собой?

– Дьявол только того и ждет. Он питается слабостью человеческой. Питается душами слабых, всех тех, кто отступил перед ним. И потому перед ним нельзя отступать. Нужно бороться и принимать все мучения до конца. Преодолевая соблазны дьявольские, нужно закалять свою душу, сделать душу чистой и сильной. Такой, чтобы после смерти тела смогла она пробиться через все сети бесовские и спастись, возвратясь к Господу. И смысл жизни человеческой в преодолении дьявола, в спасении своей души, и в том, чтобы помогать спасаться другим людям. А чтобы спасти свою душу нужно все время смирять гордыню и умерщвлять плоть. Поэтому следует жить как можно беднее, а работать так тяжело, как только позволяют силы. Ибо сказал Апостол Павел: «Кто не работает, да не ест!» Вот и мне пора возвращаться к работе. Ибо проповедую я от рассвета и до заката. Хожу пешком от селения к селению в любую погоду и рассказываю людям правду Божию, пока силы не оставляют меня, и тогда я засыпаю под каким-нибудь кустом. Так и живу. И другого мне не надо, ибо везде в этом мире властвует дьявол. А ты, юноша, запомни мои слова и подумай о них.

Старик поднялся, оперся на свою клюку, взял узелок с едой и заковылял прочь из трактира. Он был неприятен на вид: грязен, космат и оборван, его руки покрывали язвы, а желтоватые глаза гноились. Да и пахло от него скверно. Но какая же внутренняя сила была в этом человеке! И слова старого катара хорошо запомнились де Пейну, задели какую-то потаенную струнку, нашли отклик в глубинах души шампанского рыцаря.

Он ехал из Лангедока дальше на север. Миновав владения графа Тулузы, рыцарь Гуго де Пейн въехал в герцогство Аквитанское, двигаясь по направлению к Сиенским горам, за которыми лежали земли его родной Шампани. Объезжая горы с запада, он снова размышлял по дороге. В сознании рыцаря то и дело всплывали слова старого павликианина. Свет и Тьма... Он уже много раз слышал эти слова раньше. И не только церковные пастыри произносили их. Язычники тоже делили мир на Свет и на Тьму, на доброе и на злое. И вот теперь этот оборванный павликианин со своим учением...

«Но что же тогда получается? – Думал Гуго. – Если дьявол тоже способен построить целый мир, то, значит, он ни в чем не уступает самому Господу Богу? Выходит, что бога два: одного зовут Господь, а имя второго Сатана или дьявол. Один представляет добро, а другой – зло. Но вряд ли. Скорее, старик ошибается. Нет, не создан этот мир дьяволом, а создан Богом. Не может все окружающее исходить от дьявола, ибо мир все же прекрасен. Красивы деревья, трава, цветы, небо, вода. А разве способно зло порождать красоту? И дьявол, хоть и творит произвол повсюду, все же слабее Бога. Не случайно же священники святой церкви говорят, что Сатана всего лишь падший ангел. Значит, зло намного слабее, и добро, в конце концов, восторжествует. Но вот только, где же свидетельства этому, если повсюду господствует именно зло? Может быть, старик не так уж и не прав, и мир действительно давно попал под власть Сатаны?»...

Глава 2

Возвращение

Был Великий Пост. Благовещение уже прошло, а Пасха еще не наступила. Весеннее утро 1094 года выдалось в Шампани сырым и холодным. С затянутого облаками неба время от времени накрапывал мелкий дождь. Резкий северный ветер налетал порывами и трепал зеленый плащ всадника. После долгой зимы земля уже оттаяла, снег сошел, и высокая пегая лошадь шла неровно, то и дело проваливаясь копытами в наполненные жидкой грязью рытвины старой дороги.

Всадник ехал медленно. За ним на привязи плелась усталая запасная лошадка такой же масти, как и первая, с притороченным к седлу большим продолговатым щитом, длинным копьем и еще какой-то поклажей.

Сразу было видно, что всадник – человек военный и в пути давно. Он ехал один. Кроме запасной лошади, никто не сопровождал его. И это обстоятельство само по себе наводило на мысль, что человек этот бесстрашного нрава и, должно быть, умелый боец, раз он пустился один в дальний путь в такое беспокойное время, когда грабежи на дорогах стали обычным делом, а любой куст мог таить засаду.

Всадник отнюдь не выглядел могучим великаном, он не казался слишком широким в плечах, да и роста был, скорее, среднего, но, по-видимому, отличался завидной выносливостью и неприхотливостью. Черненный металл кольчуги, шлем и длинный меч в ножнах, похоже, нисколько не тяготили его.

На первый взгляд костюм всадника, его оружие и лошадиная упряжь были весьма просты и не слишком дороги. Ни один предмет снаряжения не блистал ни серебром, ни золотом, ни самоцветами, и люди, не искушенные в военном деле, крестьянин, ремесленник или монах, запросто могли принять этого всадника за простого дружинника. Но внимательные глаза сразу заметили бы на латных сапогах воина рыцарские шпоры, забрызганные дорожной грязью и оттого не блестящие желтым металлом, а на талии, под распахнутым плащом, поверх кольчуги – потертый широкий пояс, обтрепанный и полинялый, но с сохранившейся еще местами узорчатой вышивкой из золотых нитей. Для человека сведущего эти два знака неопровержимо свидетельствовали, что проезжий не только благородного происхождения, а посвящен в рыцарство. Просто этот рыцарь был скорее беден, нежели богат.

По обеим сторонам раскисшей дороги простирались, упираясь у горизонта в темные полосы леса, пустые, брошенные поля, заросшие уже кое-где кустарником. Усталый и промокший всадник вспомнил, как когда-то, еще и не так давно, здесь, в этих плодородных уголках Шампани, золотились хлебные колосья и зрели тяжелые гроздья винограда. Сердце его сжалось от нахлынувшей тоски по прежним временам, по временам детства и юности, а на душе у него сделалось мрачно и тягостно.

Несколько лет назад вдоль этой дороги был цветущий край, работали люди, двигались в обе стороны много пеших и конных. Теперь же и дорога, и местность вокруг нее опустели. На пути, ведущем в родной замок, он не встретил ни повозок, ни верховых. Деревеньки с ветхими домишками, разбросанные вдоль этой дороги, были сильно запущены и почти безлюдны. Везде: в сыром воздухе, в безрадостном пейзаже, в хмурых лицах немногих, бредущих по грязной дороге, крестьян чувствовалось какое-то уныние, и, несмотря на то, что отсутствовал всадник всего неполных семь лет, ему казалось, что прошла целая вечность: настолько разительны были перемены в родном краю. Последние несколько лет во Франции выдались неурожайными, к тому же, ужасная коса чумы прошла по стране. Эти страшные

«тощие годы» довели крестьян до лютого голода, а держателей феодалов до существования почти нищенского.

Хмурое утро уже начало переходить в тусклый пасмурный день, когда всадник, наконец, увидел впереди единственную башню замка Пейн. В небольшом селеньице, расположенном чуть в стороне от дороги, ведущей к замку, казалось, не было никого. До едущего не доносилось никаких звуков, свидетельствующих о близости человеческого жилья. Не слышал он ни голосов людей, ни мычания скотины, ни лая собак. На месте, где раньше стояла харчевня с маленьким постоянным двором, оказалось пепелище, да и от старой винодельни остались только несколько обгорелых бревен. Создавалось впечатление, что жители давно покинули свою деревеньку.

Вдруг, чуть впереди, из-за ветхой скособолившейся хозяйственной постройки показалась какая-то старая женщина в серых шерстяных лохмотьях. Уныло сгорбив спину, молча шла она под дождем по направлению к обветшалым домам. Всадник догнал ее и окликнул:

– Мамаша, что случилось, почему у вас тут такая разруха?

Старуха обернулась, остановилась в замешательстве и внимательно посмотрела на всадника, неожиданно появившегося перед ней. В одетом по-военному темноволосом молодом человеке с небольшой бородкой, восседающем на высокой пегой кобыле, она с трудом узнала сына покойного хозяина поместья Пейн, – Гуго, – много лет назад уехавшего из дома по воле отца, отправившего единственного наследника на службу к своему сюзерену.

– Простите, монсеньер, что я, старая, сразу с вами не поздоровалась. Я помню вас ребенком, а теперь вы так возмужали, что трудно и узнать. – Пожилая женщина еще раз сморила де Пейна взглядом, быстро скользнув выцветшими от возраста, но все еще очень внимательными голубыми глазами от простого стального шлема, прикрывающего голову воина, до его забрызганных грязью латных сапог с золотыми рыцарскими шпорами, и продолжила:

– После вашего отъезда Господь обрушил на нас много несчастий. Из-за неурожайных лет мы здесь все время голодали. Сначала умер ваш батюшка. Потом, два года назад, пришел страшный мор. Многих мы схоронили после него. И ваша матушка тоже скончалась. А в прошлом году появились разбойники. Они взяли замок, перебили дворовых людей ваших родителей, из тех, кто после смерти хозяев еще оставался здесь, разрушили Пейн и разграбили всю округу, забрали весь скудный урожай, сожгли окрестные виноградники, а нас, бедных крестьян, обложили тяжелой данью. Много семей умерло. Некоторые погибли от голода, другие – от болезней, третьи – от холодной зимы, а кто-то – от рук разбойников.

Только теперь Гуго обратил внимание, что и с замком что-то не так. Вглядевшись, сквозь пелену дождя он заметил, что бревна частокола на невысоком холмике почернели после пожара, а наверху, вместо кровли родительского дома торчали обугленные остовы стропил. И только потемневший от копоти, но не тронутый пламенем каменный донжон⁶ по-прежнему гордо возвышался над пепелищем.

Сердце Гуго сжалось от горя. Хотя он и был уже извещен, – полгода назад в Испании ему передал горестную весть один из французских рыцарей, славный молодой человек, прибывший из родных краев на службу в Арагон. Рыцарь рассказал, что родители де Пейна умерли, и замок теперь совсем заброшен. Это известие и было причиной, по которой Гуго де Пейн оставил службу арагонскому королю и пустился в долгий и опасный путь домой. Разные мысли о родном поместье приходили в голову де Пейну по дороге, но все равно Гуго не ожидал увидеть такую разруху в конце пути.

– Сколько человек осталось в деревне? – Спросил он женщину.

– Остались всего пять дворов из двадцати: мы с Аделией, семейство Норгов, шесть человек из рода Готье, трое Крайонов и старый Лустиньян.

⁶ Донжон – главная башня, самое высокое строение в замке.

– А сколько людей у Норгов? – Задал вопрос Гуго, вспомнив, что старый Норг – деревенский кузнец, к тому же здешний староста, и семья у него самая большая в Пейне.

– Их в доме всего четверо теперь, – ответила женщина, – старик пережил почти всех своих детей. Сейчас с ним только младший сын Эндрю и дочка Стефания. Остальных Господь забрал и жену старика тоже. Еще у них живет прислуга – пришлая девка Аглая.

– А есть ли припасы?

– Прошлым летом собрали небольшой урожай овощей, а зерна – совсем немного. Да еще гусей разводим. Этим и питались всю зиму, питаемся и сейчас. Больше ничего у нас нет.

Дождь неожиданно кончился, и небо чуть прояснилось, сквозь серые клочья облаков блеснуло солнце, осветив местность яркими золотыми лучами. И при этом весеннем освещении Гуго де Пейну вдруг что-то показалось знакомым в облике оборванной крестьянки, стоящей перед ним. Рыцарь проворно соскочил с лошади и внимательно посмотрел на пожилую женщину в грязных лохмотьях. Он узнал ее. В прежние времена Симона служила экономкой у его матушки. Но, подумать только, что делают с людьми нужда и время! А ведь, кажется, не так давно она была опрятной моложавой женщиной, бодрой и всегда при деле, помогала матери Гуго вести хозяйство...

Гуго де Пейн знал, что Симона происходила не из этих краев. Родилась она в Англии. Не казалась Симона и обычной крестьянкой, потому что умела читать и писать, а черты ее лица были тонкими и правильными. По замку ходили слухи, что она – дочь какого-то саксонского эрла⁷, всю семью которого вырезали враги. Но отец, как только слышал подобные разговоры, сразу весь делался красным и кричал «молчать!» так громко, что, казалось, все стены замка дрожали. В разговорах слуг маленький Гуго слышал, будто бы отец привез эту женщину в Пейн в качестве военной добычи и сначала использовал ее как наложницу, а потом, когда ее красота угасла, назначил прислугой в замок. Правда ли это, или нет, Гуго не знал до сих пор. Хотя в пользу первого косвенно свидетельствовало некоторое сходство ее единственной дочери Аделии с покойным родителем Гуго де Пейна. Сама Симона никогда ни на что не жаловалась и не говорила с Гуго о своем положении, а если он изредка и спрашивал, всегда уклончиво отвечала, что судьбы человеческие в руках Господних.

Когда Гуго был совсем еще маленьким, Симону назначили ему нянькой, и она часто рассказывала малышу об Англии, о стране за морем, о большом, гораздо больше Пейна, замке в котором она когда-то жила. Еще на всю жизнь Гуго запомнил ее удивительные сказки о короле Артуре, о волшебнике Мерлине и благородных рыцарях Круглого стола.

– Боже! Симона, как я рад тебя снова видеть! Как же я сразу тебя не узнал! – Воскликнул молодой человек и заключил пожилую женщину в объятия.

– Я сильно постарела, Гуго. – Тихо произнесла крестьянка.

– Ну что ты! Просто прошло столько лет! И бедный наш Пейн окончательно пришел в упадок, но я постараюсь что-нибудь предпринять. А сейчас я назначаю тебя, Симона, своей экономкой. Вот тебе деньги. – Гуго отвязал от пояса и передал ей небольшой мешочек с серебряными монетами. – Завтра же пошли сына кузнеца в город за припасами. И купи себе и Аделии новое платье. А теперь скажи старине Норгу, что я вернулся, пусть он придет и позаботится о моих лошадках. Я буду в замке. Надеюсь, там меня не поджидают разбойники?

– Нет, сударь, замок сейчас совсем пуст. Можете ехать спокойно. Хоть иногда разбойники и останавливаются в башне, но долго находиться здесь они не рискуют. Люди графа Шампанского давно уже разыскивают их, а до столицы графства, сами знаете, отсюда недалеко. Говорят, что разбойники прячутся в непроходимых чащах Восточного бора, где их найти почти невозможно.

⁷ Эрл – саксонский дворянский титул, примерно соответствующий титулу графа.

– А разве в замке нет стражи? Неужели новый граф Шампанский так плохо охраняет свои земли?

– После кончины вашей матушки в башне несколько месяцев жили трое солдат и прево⁸, но их зарезали совсем недавно, перед Рождеством, а новых граф еще не прислал. Поэтому башня сейчас пуста.

– А ты, случайно, не знаешь, кто они, эти дерзкие разбойники?

– Говорят, их вожак младший сын барона де Бовуар. Говорят, братья не ладили, а когда умер их отец, старший брат не дал младшему ни крохи от наследства и прогнал вон из своего замка. Молодец остался без средств, а времена сейчас тяжелые. Вот он и взялся за мщение брату и разбой.

– Ну уж, Симона, не думаю я, что бедность для молодого рыцаря может послужить поводом к разбою. Честный рыцарь, даже будучи бедным, всегда имеет возможность поступить на военную службу или стать священником, или, скажем, сделаться странствующим рыцарем или трубадуром. Да мало ли путей открыто перед отпрыском такого знатного рода, как семейство Бовуар? Нет, скорее всего, этот баронский сынок просто самый обычный негодяй.

– Наверное, так оно и есть, монсеньер. Сейчас я велю Аделии убрать верхнюю комнату в башне, больше, боюсь, вам негде будет разместиться.

– Отлично, Симона. В башне я и остановлюсь. Но не называй меня монсеньером. Какой уж из меня монсеньер. – С деланной улыбкой сказал Гуго де Пейн пожилой женщине, хотя на душе у него, после рассказа Симоны о разбойниках, исчезли все остатки спокойствия. Как любой человек хорошо знакомый с военным делом, он вполне сознавал всю опасность внезапного появления превосходящих сил неприятеля. Но, будучи рыцарем, считал недостойным этого звания как-либо выказывать внешне свой страх.

– Не забывай, что ты теперь моя экономка! – Бросил напоследок де Пейн Симоне, привычным легким движением запрыгнул в седло и поскакал к замку.

– Не беспокойтесь, сударь. Все ваши повеления я исполню! – Прокричала Симона вслед всаднику и улыбнулась беззубым ртом. Было заметно, что пожилая женщина очень рада приезду нового молодого хозяина поместья и весьма довольна своим назначением.

Маленький замок Пейн являлся одним из тех многочисленных опорных пунктов, которые в одиннадцатом веке во множестве возводились властью имущими Западной Европы для поддержания порядка. В ту пору большинство подобных сооружений строились по старинке на земляной насыпи и огораживались деревянным частоколом с рвом перед ним, да и сами башни таких укреплений часто еще оставались деревянными. Поэтому отец Гуго де Пейна очень гордился своими каменными постройками: пусть и не слишком толстой, но достаточно высокой и массивной аркой ворот с караульной площадкой наверху, единственной башней замка и новыми палатами, возведенными из гладко обтесанных известковых глыб, взятых с развалин какой-то древней римской постройки. А еще отец мечтал построить вокруг замка каменную стену вместо старой деревянной, но так и не построил.

Теперь же взору де Пейна-младшего предстали одни лишь безрадостные руины отцовского гнезда. Стены крепости, сделанные больше века назад из сосновых стволов, обмозанных смолой и глиной, сильно обгорели и частично обвалились, а в уцелевшей их части зияли пробитые топорами бреши – крестьяне постепенно растаскивали не пострадавшее от огня дерево. Обуглившиеся доски разбитого подъемного моста, словно черные не погреб-

⁸ Прево (*франц.* Prévôt, от лат. praepositus – начальник), должностное лицо в средневековой Франции. С 11 в. чиновник, обладавший судебной, фискальной и военной властью в пределах административно–судебных округов, начальник полиции, шериф.

бенные кости, торчали из засыпанного почти до самого верха неглубокого рва. Проточную воду, которая поступала в этот ров из маленького, впадающего в Сену, ручья, по-видимому, отвели перед осадой, и теперь на дне рва образовалось дурно пахнущее болото, а по земляной насыпи, сделанной штурмующими и перегородившей ров, можно было свободно подъехать к воротам.

Каменная арка ворот сохранилась, но тяжелые, окованные железными полосами, створки были сорваны. Правая слегка обгорела и лежала на земле, а левая сгорела почти вся, железный каркас ее перекосялся и висел на одной петле, чем-то напоминая почерневший скелет. В тесном внутреннем двореке тоже виднелись следы бушевавшего пламени. Повсюду валялись обгорелые остатки сломанной грубой деревянной мебели и глиняные черепки разбитой нехитрой домашней утвари.

Гуго слез с лошади и вошел в зал замка через разрушенный дверной проем. Похоже, парадную дверь вышибали тем самым тяжелым сучковатым бревном, которое сейчас загораживало порог. Внутри было светло: при пожаре вся кровля провалилась, и только две не догоревшие до конца дубовые балки еще каким-то чудом держались, в любой момент, угрожая обрушиться. По углам закопченные каменные стены поросли черной плесенью. Везде толстым слоем лежала зола. Остался цел только огромный камин. Все остальное сгорело, либо было украдено или разбито. Не лучше обстояло дело и с другими замковыми постройками и помещениями. Огонь не пощадил ни конюшню, ни кухню, ни коморки прислуги, ни казарму маленького гарнизона. Все эти деревянные сооружения сгорели дотла.

Более или менее уцелел только донжон – главная башня, которая была единственной в этом маленьком замке. Эту башню на месте старой, деревянной, двадцать лет назад построил отец Гуго де Пейна, и, если не считать того, что почти целиком башня была сложена из камней, обтесанных еще рабами Великого Рима, и взятых из каких-то развалин, она могла считаться довольно новым сооружением. Правда, на первом ее этаже сейчас тоже царили запустение и разгром, но в верхнем помещении, расположенном под самой дозорной площадкой, куда вела узкая каменная лестница без перил, выложенная вдоль внутренней стены, сохранились длинный стол, два тяжелых дубовых кресла, большой, хотя и опустошенный грабителями, сундук и широкая скамья.

После того, как Симона с ее дочерью Аделией прибрали эту единственную комнату, в ней действительно сделалось возможным разместиться. Особенно, если не обращать внимания на бурые пятна от засохшей крови на полу и стенах, ведь именно здесь, в башне, недавно разбойниками был убит прево, назначенный в Пейн графом Шампанским.

Гуго снял большие кожаные сумки с поклажей, привязанные к седлам, и, расседлав усталых лошадей, самостоятельно отнес все свое походное имущество и оружие в башню. Ни оруженосцев, ни другой прислуги у молодого рыцаря не было, но он с детства привык все делать сам и не нуждался ни в чьих услугах.

Вскоре Симона привела в замок седого длиннородого кузнеца Норга. Гуго тепло поздоровался со стариком, разделил с ним скудную трапезу, поговорил с кузнецом о деревенских делах и передал на его попечение своих усталых лошадок.

Весь день де Пейн осматривал руины своего замка, пытаясь отыскать среди пепелища хоть какие-нибудь уцелевшие, знакомые с детства, вещи. Но все было тщетно. А когда начало темнеть, молодой рыцарь, приложив немало усилий, поднял с пола и кое-как привалил к разбитому проему массивную, окованную железом дверь башни, сорванную с петель грабителями, и подпер ее изнутри тяжелой доской. Только после этого, освещая себе путь маленьким огоньком свечи, он поднялся наверх, помолился Господу перед крестом рукояти своего меча, как привык это делать в походах, расстелил на широкой деревянной скамье свой дорожный плащ, и, положив, по возникшей за время опасных путешествий привычке, кинжал под голову, прилег отдохнуть.

Снаружи опять шел дождь, холодный ветер свободно гулял между бойницами, но долгое путешествие верхом настолько утомило Гуго де Пейна, что он быстро заснул. Ему снова, уже в который раз, снился непонятный, повторяющийся сон.

Он скакал по песку. Воздух вокруг был пыльным, густым и невероятно горячим. На западе за край горизонта в желто-серой песчаной дали садилось кроваво-красное солнце. Его закатные лучи окрашивали необычным золотисто-огненным цветом зловещего вида горы, торчащие повсюду. Впереди, вдали, там, куда скакал Гуго, виднелись высокие стены хорошо укрепленного города на каменистом холме.

Гуго был не один. Множество других всадников неслись к городу слева и справа, позади и немного впереди него. Вместе они составляли большое конное войско. Всадники были закованы в тяжелые доспехи. Над их головами на высоко поднятых копьях развивались узкие вымпелы и боевые знамена. И на всех знаменах присутствовал знак креста. А на небе до горизонтов протянулись две пересекающиеся гряды перистых облаков, тоже напоминая гигантский крест.

Ночью дождь прекратился, и утро оказалось ясным, но промозглым из-за непрерывно дующего холодного ветра. Гуго проснулся рано и, закутавшись в плащ, поднялся на смотровую площадку башни. Он с младенчества помнил, открывающийся отсюда, прекрасный вид. Земли Шампани лежали перед взором молодого рыцаря. Под ярким голубым весенним небом во все стороны от замка Пейн распростерлись земли родной Шампани: поля, виноградники, дремучие вековые леса, озера и речки с разбросанными то там, то здесь между ними пятнышками замков, деревушек и маленьких городков. Но самая цветущая и плодородная провинция Франции теперь отнюдь не выглядела таковой. Прошедшая по стране страшной косой смерти, чума вместе с засухой и неурожаями последних лет опустошили эти, еще совсем недавно такие богатые, уголья. Множество хозяйств разорились. И теперь во многих местах, там, где еще пару лет назад были виноградники и поля, простирались никем не обрабатываемые пустые пространства, на которые постепенно с востока наступал лес.

Гуго обратил взгляд на запад. Там, недалеко, всего в восьми милях, лежала столица края – город Труа, где находился двор графа Шампанского, и куда молодому рыцарю предстояло поехать в самое ближайшее время. Как и всякий дворянин, вступающий в права наследства, Гуго де Пейн обязан был дать вассальную присягу своему сюзерену. Только тогда он сможет рассчитывать на помощь и покровительство.

Разглядывая эту панораму, Гуго пытался осознать себя в новой роли хозяина Пейна. После смерти родителей он являлся единственным прямым наследником феода: ни родных братьев, ни сестер у него не было. Правда, у отца был двоюродной брат, но вряд ли он станет требовать какую-либо долю наследства: Гуго слышал, что двоюродный дядя весьма преуспел при дворе герцога Нижней Лотарингии Готфрида Бульонского. Так что дележа Пейна Гуго не опасался. В то же время, он не мог еще до конца свыкнуться с тем, что опасные, но интересные странствия юности кончены, и впереди его ждет обычная рутина владельца небольшого, к тому же разоренного, поместья.

Заботами о хозяйстве Гуго еще никогда не приходилось заниматься. Но он отлично понимал, что положение унаследованного владения было весьма плачевным. Многие крестьяне умерли в эпидемию, и земли почти никто не обрабатывал. Замок был разграблен и выжжен, а продовольственные запасы отсутствовали.

Но самое главное, что вызывало наибольшее беспокойство молодого де Пейна, – разбойники или просто какие-нибудь недоброжелательные соседи могли ворваться в любой момент и захватить Пейн окончательно. Непонятно было, почему они не сделали этого до сих пор: замок не охранялся. Противостоять злой силе здесь было некому.

В своих путешествиях Гуго постоянно видел на живых примерах, какие злоба, жестокость и грубость нравов свирепствуют в современном ему мире. Он вспомнил, как всего три месяца назад в горах Арагона стал свидетелем захвата отрядом мавританских грабителей маленького слабо укрепленного замка Ла Каталина. Мало того, что захватчики разграбили и сожгли этот замок до основания и забрали в рабство всех его жителей, выживших при штурме, они долго издевались над хозяином, престарелым доном Раменсо. Выкололи ему глаза, отрубили ступни и кисти рук и так бросили умирать. Когда с опозданием на помощь прискакал отряд рыцарей арагонского короля, в котором тогда служил Гуго, дон Раменсо истекал кровью, но был еще жив и умолял прибывших прервать его страдания быстрой смертью, что и было сделано посредством мизерикордии, рыцарского кинжала с тонким клинком, часто называемого милосердником. А грабители, тем временем, благополучно скрылись в горах с добычей. От этого воспоминания Гуго внутренне содрогнулся.

А скольким еще зверствам он стал свидетелем за годы странствий! Он вспомнил и совсем недавние стычки по дороге домой. Мрачный осадок в душе оставило нападение рыцаря де Веро и последовавшая смерть задиры. Но вторая стычка на дороге была гораздо опаснее, когда его, одинокого всадника, в землях герцогства Аквитания окружила в лесу целая толпа разбойников. Только серьезный боевой опыт, приобретенный в битвах с маврами, и решительность помогли Гуго де Пейну не растеряться, вырваться из рук бандитов и пробиться вперед. Он и сейчас, вспоминая, явственно ощущал удары стрел о свою кольчугу, слышал крики этих страшных людей и видел брызги крови и мозга из разрушаемых лезвием его меча нечесанных, засиженных вшами, голов. Как там говорил старый павликианин? Тьма, она всюду...

Гуго постарался отогнать неприятные воспоминания и начал мысленно взвешивать несколько вариантов исправления своего положения. Самым простым решением была бы продажа замка и земли, но де Пейну эта идея не нравилась. Во-первых, замок находился в таком скверном состоянии, что на сколько-нибудь приличную сумму при его продаже рассчитывать не приходилось. Во-вторых, сейчас Гуго не был готов терять опору на родной земле: он только что вернулся из далеких краев в место, где прошли первые одиннадцать лет его жизни, и где были похоронены его родители.

Другой вариант предполагал восстановление хозяйства. Замок можно отстроить заново, а землю отдать арендаторам. У де Пейна была довольно приличная денежная сумма, заработанная за время службы, но для восстановления замка ее все-таки недостаточно. К тому же, даже если бы удалось сдать землю в аренду, и, таким образом изыскать еще какие-то средства на ремонт замка, то откуда взять деньги на содержание дружины? Да и как найти надежных дружинников? А без дружины владельцу поместья невозможно существовать в мире, где вокруг свирепствуют столько жадных и коварных подданных Сатанаила, да и просто убогих и голодных людей, падких на чужое добро.

Можно, конечно, попытаться занять некоторую сумму, но Гуго не любил брать в долг. Или оставить все так, как есть, снова отправиться в рискованный поход, продолжить службу, заработать еще немного, а уж потом браться за восстановление Пейна? Но тогда, очень может статься, восстанавливать будет уже нечего. Так и не придя к определенному решению, Гуго спустился во двор.

После обеда, подкрепившись тощим жареным гусем, принесенным ему доброй старой Симоной, Гуго вышел из замка и направился в сторону небольшого деревенского кладбища с намерением поклониться праху родителей.

Фамильный склеп рода де Пейнов примыкал к старинной часовне, заложенной на окраине Пейна почти три века назад, как рассказывали, по распоряжению проезжавшего мимо Карла Великого. Иные уверяли, что часовня еще древнее и стоит на этом месте уже шесть веков, со времен правления первого христианского короля франков Хлодвиг из династии

Меровингов, которому здесь будто бы явилась Дева Мария. Как бы там ни было, время, войны и вандалы каким-то чудом пощадили это небольшое каменное строение, скромное и, вместе с тем, исполненное таинственного величия и строгой красоты.

Через много лет злые языки скажут, что основатель ордена Храма шампанский рыцарь Гуго де Пейн был вероотступником и безбожником, что он был тайным приверженцем манихейства или иудаизма, или ислама, или что он был катаром, или что он продал свою душу дьяволу, но все это вовсе не соответствует истине. Всю свою жизнь Гуго де Пейн верил в Господа христиан. Просто он верил по-своему. Может, не совсем так, как это было предписано канонами Римской католической церкви. Но он свято верил в Иисуса Христа и всю жизнь нес эту веру в сердце своем.

Когда Гуго вошел в древний, пропахший сыростью зал склепа и увидел в полу, рядом с могилами дедов, две новые плиты с высеченными именами родителей, сработанные из грубо отесанного камня местными не очень искусными мастеровыми монахами из ближайшего монастыря, он не заплакал, но невероятная тяжесть вдруг сдавила ему грудь и сжала сердце. Это была и тяжесть утраты, и боль скорби. Но, в то же время, это было и сожаление. Гуго сожалел о напрасно прожитой, утопленной в пристрастии к винопитию, никчемной жизни отца, равно как сожалел и о закончившейся в сером фанатизме слепой веры скупой жизни матери, так и не понявшей его, своего единственного сына.

Отец запомнился Гуго вечно навеселе, с красным носом, с постоянно недовольным выражением на лице и с выпученными от злости глазами. Ребенком Гуго старался лишний раз не попадаться ему под руку, иначе неминуемо происходила какая-нибудь неприятность. Когда в долгие зимние месяцы де Пейн-старший безвылазно сидел дома, словно невидимая грозная туча нависала над замком. Отец мог ударить малыша за малейшую шалость, мог придаться к самой незначительной неопрятности костюма мальчика и потом долго кричать, мог просто навязать сыну любое ненужное дело, которое Гуго, боясь наказания, должен был делать беспрекословно. Старый вояка не терпел возражений.

Свою матушку Гуго помнил искренне верующей благочестиво-смиренной женщиной. Будучи благородной по рождению, рано потеряла она родных. Ее отец и два брата пали в сражениях, а мать ее умерла, когда она была совсем еще девочкой. Под предлогом опеки, земли ее родителей захватили дальние родственники, и ее саму неминуемо отправили бы в монастырь, или же просто избавились по-тихому, если бы отец Гуго де Пейна не взял ее в жены почти без приданного, за одну только ее красоту. Но в сырых стенах мрачного небогатого замка женская красота вянет быстро, а любовь грубого и не в меру пьющего рыцаря быстро проходит, оставляя после себя только разочарование...

Матушка Гуго была несчастна, наверное, поэтому ее благочестие и смирение с годами делались все более суровыми и безрадостными. Ее красивое когда-то лицо оставалось одинаково грустным при любых обстоятельствах, и улыбка никогда не касалась его. Казалось, что она давным-давно разучилась улыбаться. Да и умела ли? Во всяком случае, сын не помнил ее улыбок. Зато он хорошо запомнил ее слезы. Мать часто ни с того ни с сего впадала в молитвенный экстаз. Она опускалась на холодный каменный пол перед иконами, часами рыдала и просила Деву Марию о заступничестве.

С благоговейным трепетом слушал маленький Гуго рассказы матери о жизни святых мучеников, которые сама она слышала от своей матери и от бабушки. И, почему-то, эти святые, погибающие за веру в ужасных муках, представлялись мальчику больше героями страшных сказок, нежели реальными людьми.

С самого раннего возраста мама постоянно заставляла сына молиться по любому поводу и запирала в темный сырой чулан, если мальчик осмеливался ослушаться. И она говорила, что делает это во имя Господа Иисуса Христа. Но, почему-то, маленькому Гуго

всегда казалось, что на самом деле Господь добрый, только люди понимают его неправильно, и, потому, постоянно делают всякие глупости от Его имени, например, запирают своих детей в чуланы, ошибочно думая, что так хочет Господь.

Постояв некоторое время посреди фамильного склепа, Гуго вышел наружу но, вместо того, чтобы сразу идти в часовню, медленно проследовал на противоположный край кладбища, к неухоженной, покрытой сухими прошлогодними сорняками могилке с небольшим покосившимся полусгнившим деревянным крестом. Здесь тринадцать лет назад был похоронен наставник Гуго де Пейна, ученый монах Аквиор.

В те времена считалось, что дворянин должен хорошо владеть оружием, а все остальное, славу, земли, золото и власть, он, при отсутствии таковых, завоюет себе в бою. Поэтому его родители, люди необразованные, не намеревались специально учить мальчика грамоте. Но случай решил дело иначе.

Отец Гуго, хоть и был доблестным, много повидавшим за свою жизнь рыцарем, не умел ни читать, ни писать, и был, как и подавляющее большинство воинов того времени, человеком грубым и недалеким. В молодости он сражался, как простой наемник, то под знаменами герцога Вильгельма Нормандского, прозванного впоследствии Завоевателем, и в 1066-м вместе с ним покорял Англию и даже участвовал в знаменитой битве при Гастингсе, то под знаменами Филиппа, короля Франции шел усмирять своего бывшего господина, присвоившего Бретань, то неожиданно вставал на сторону графа Анжуйского против двух первых. Но немало послужил де Пейн-старший и графу Шампанскому.

За время службы разным хозяевам отец Гуго де Пейна участвовал в нескольких больших войнах и в великом множестве крупных и мелких вооруженных стычек. В боях он получил тяжелые раны, долго болел, растерял былую силу и, в конце концов, с четырьмя верными своими солдатами, такими же инвалидами, как и он сам, в начале 1069-го, за год до рождения сына, вынужден был вернуться в родное поместье. По возвращении из странствий, он сразу вступил во владение Пейном, поскольку его старший и единственный брат незадолго до этого погиб, защищая интересы графа Шампанского и не оставив после себя наследников.

Прослужив без малого четверть века сильным мира сего, де Пейн-старший, будучи храбрым рубакой на поле боя, но пьяницей в обычной жизни, не завоевал для себя ни новых земель, ни титулов и вернулся домой почти таким же небогатым рыцарем, каким был в самом начале своей военной карьеры. Правда, он все же привез кое-какие трофеи: несколько хороших нормандских лошадей, оружие, ткани и серебряную посуду. А еще он привез молодую жену с очень скромным приданным, состоящим из одной только ее одежды, сложенной в двух сундуках.

Отношения у супругов не сложились, и суровый воин, и без того всю жизнь пьющий без всякой меры, начал окончательно спиваться. Когда Гуго едва исполнилось пять лет, его отец был уже совсем плох. Его лицо приобрело землистый оттенок, а разрушенная вином печень болела так, что он кричал по ночам. Вот тогда кто-то из окрестных священников и подсказал матери Гуго взять к себе одного старого пилигрима, ведающего, как говорили, тайны врачевания.

Маленький Гуго не знал, из какого монастыря пришел его наставник, и как звали того служителя церкви, который привел старика к больному рыцарю. Гуго запомнил только, как изменилось состояние здоровья его отца. Уже через месяц после начала лечения отварами каких-то таинственных высушенных трав, запасы которых оказались у монаха Аквиора, хозяин замка перестал кричать от боли, поднялся с постели, и обычное самодовольное выражение лица постепенно вернулось к нему.

С тех пор старый монах неотлучно находился в замке на полном содержании хозяев. А поскольку его крохотная комнатка-келья примыкала к, отгороженному от зала полинялым

гобеленом, закутку маленького Гуго, получалось, что монах почти все свое время проводил рядом с наследником Пейна. Обоим было скучно. И очень быстро старик и ребенок привязались друг к другу и придумали себе занятие: много узнавшему и повидавшему на своем веку старому человеку не хотелось, чтобы накопленные им знания бесследно ушли вместе с ним в могилу, а ребенку было интересно все, что лежало за пределами маленького мирка родительского поместья.

Родители почти не уделяли ему должного внимания. Мать молилась, а отец пил. Мальчик рос отдельно от сверстников. С крестьянскими детьми ему строго запрещали общаться, а в маленьком замке не было других малышей, и, лишь изредка, во время конных прогулок, ему удавалось встретиться с сыновьями владельцев соседних земель. Отец, несмотря на болезнь печени, постоянно устраивал попойки со своими дружинниками, а в редкие моменты протрезвления уезжал на охоту. Мать же все время молилась. Правда, отец рано научил Гуго ездить верхом на лошади, а мать научила сына творить молитвы, но этим все родительское воспитание, в основном, и ограничилось. Всеми остальными знаниями и умениями, за исключением военных искусств, Гуго был обязан старому монаху Аквиору. И хотя ученый монах временами бывал, как казалось Гуго, излишне раздражителен, строг и требователен, ребенок за годы учения привязался к старику сильнее, чем к родному отцу.

Старик не был обычным монахом. О своем прошлом учитель говорил очень мало, но Гуго постепенно узнал, что этот сухощавый седой человек долго жил в одном ирландском бенедиктинском аббатстве, а затем покинул его, то ли отправившись в паломничество, то ли будучи изгнанным, то ли ударившись в бега, то ли просто в поиске приключений. Аквиор объездил множество стран, и даже некоторое время провел в Святой Земле. И судьба распорядилась так, чтобы этот ученейший человек на обратном пути из своих странствий оказался именно в Пейне.

За пять лет обучения учитель поведал маленькому мальчику многое из своих знаний, накопленных за долгую жизнь. Два древних языка, латынь и греческий, преподавал ему старый монах. Еще он учил мальчика читать и понимать на слух арабский. И даже пытался познакомить с таинственным алфавитом иудеев. «Ты должен освоить этот язык, потому что именно он и есть родной язык Спасителя нашего Иисуса Христа», – незадолго до смерти говорил Аквиор своему единственному ученику.

Но маленький Гуго оказался учеником не слишком усидчивым. Он был еще слишком мал и, хотя, будучи смирным от природы, он и мог часами внимательно слушать лекции учителя, но, когда дело доходило до написания букв или до заучивания наизусть, он, как и большинство детей его возраста, начинал хныкать и отлынивать.

Но не только языки изучал Гуго с помощью своего учителя. Основы математики, географии, истории и даже философии ученый монах старался сделать доступными пониманию мальчика. Постепенно ребенок развивался и проявлял все более хорошие способности, и, если бы у учителя хватило времени их по-настоящему развить, возможно, из маленького ученика вырос человек редчайшей для своего времени учености. Но, когда Гуго исполнилось одиннадцать, старый монах вдруг сильно простудился холодной зимой и через неделю умер.

Таким образом, знания, полученные Гуго за пять лет обучения, остались во многом неполными. Он научился латыни, свободно писал и читал, но изъяснялся на ней довольно бедно, т. к. не был обучен искусству риторики. Он понимал греческий алфавит, кое-как читал, с трудом писал, но связно сказать мог лишь некоторые заученные фразы. Он различал арабский и еврейский языки на письме, но ни читать, ни изъясняться на этих языках не мог, хотя и запомнил с десятков арабских и пару еврейских слов. Из остальных наук наилучшие познания оказались у него по истории, правда, последовательность событий он помнил не твердо. Учитель много рассказывал ему о древних греках и римлянах, о древних войнах, о походах Александра Македонского, о торжестве Юлия Цезаря и о его гибели от руки Брута,

о древнем Египте и о красавице Клеопатре, о Иудейской войне и избиениях первых христиан римлянами, о походах варваров на Рим и о разграблении вечного города, об императоре Константине и о его святой матушке Елене, о нашествии мавров на Испанию и об империи Карла Великого.

Но не успел всего рассказать учитель. Внезапная кончина монаха Аквиора поставила крест на образовании Гуго и явилась первым признаком скорого бесповоротного разрыва с детством. И действительно, не прошло и полгода, как отец отправил сына на службу к своему сюзерену графу Шампанскому.

Пробыв какое-то время у могилы своего учителя, молодой хозяин Пейна, наконец, направился к часовне. В детстве Гуго часто приходил сюда. Его мать любила молиться здесь. А в церковные праздники монах Аквиор проводил службы в часовне. И тогда сюда собирались крестьяне из всех окрестных деревень, было шумно и весело.

Гуго помнил каждый камень, каждую трещинку древнего, потускневшего и выкрошившегося местами мрамора, каждую деталь облупившейся от времени мозаики, изображающей Деву Марию и волхвов, несущих дары младенцу Иисусу. Но больше всего Гуго любил тишину и уединенность этого места, возможно, потому, что, как ему казалось в детстве, часовня была такой же одинокой и грустной, как и он сам.

Гуго сейчас хотелось даже не столько помолиться Деве Марии и Господу Иисусу Христу, сколько просто снова, как в далеком детстве, постоять посреди тишины старинных стен, посмотреть на удивительную, чудесным образом сохранившуюся, мозаику и послушать, как гудит ветер в узких прорезях окон под самым сводом. Вот сейчас он войдет внутрь и ничто не помешает ему опять, как когда-то, услышать знакомый звук...

Но в часовне уже кто-то был.

Глава 3

Неожиданная встреча

Посередине часовни стоял высокий мужчина в длинном монашеском одеянии с капюшоном из грубой серой шерсти. Человек повернулся на звук шагов, и новый хозяин Пейна сразу узнал странника. Гуго встретил его лет пять назад в Испании, в высоких горах, через которые он пытался бежать, преследуемый мавританскими разбойниками после разгрома ими того самого торгового каравана, идущего из Арагона в Кастилию, в котором, волею случая, неопытный еще юноша, оказался одним из охранников.

Гуго вспомнил, как в тот страшный час, лишившийся всего, потерявший надежду на спасение и загнанный страхом смерти за границу вечных снегов, изнемогая от полученных в стычке ран, он уже не мог идти и замерзал насмерть в беснующейся пурге на ледяном перевале, и странный монах, появившийся словно из-под земли, спас его, проводя по тайной тропе к удивительному горному монастырю. Монастырь тот был весьма необычным, не похожим на все другие монастыри, какие де Пейн видел до этого. Гуго пробыл там достаточно долго, но того, что происходило с ним в стенах той обители, как, впрочем, и то, какому святому она была посвящена, Гуго не помнил. Он тогда впал в какое-то странное болезненное состояние, и сознание его помутилось. Должно быть, то были лихорадка и бред, вызванные потрясением от потери друзей, ранами и обморожением. Но добрые монахи выходили его, и в одно прекрасное утро он смог добраться до Хаки⁹, где был зачислен в отряд, идущий на войну с маврами...

Гуго хорошо запомнил только то, что сказал тогда странник, спасший его. «Для тех, кому предназначен путь горный, случайностей не бывает. На их дорогах все происходит к сроку. Не раньше и не позже. Помощь Божия никогда не опережает события, но никогда и не опаздывает». И вот сейчас этот странный монах снова стоял перед ним в тишине древней часовни.

За прошедшие несколько лет странник почти не изменился. Та же стройность фигуры, те же правильные черты чуть смуглого, обветренного лица, не выдающего возраст: можно дать от сорока до шестидесяти. Все тот же серый плащ с капюшоном и того же мышинного цвета монашеская одежда под ним, та же небольшая дорожная сумка через плечо, тот же самый добротный деревянный посох в руке. Тот же небольшой серебряный крест на груди поверх рясы из грубой шерсти. И тот же алмазный отблеск затаенного огня в голубой глубине ясных глаз. Разве только в аккуратной бороде и в темных волосах монаха появилось чуть больше седины? Впрочем, Гуго и в этом не был уверен.

Казалось, что время над монахом не властно. Он весь был каким-то удивительно опрятным, подтянутым и ухоженным и этим совершенно не походил ни на других странствующих монахов, грязных и дурно пахнущих, ни на оборванного проповедника павликианина, совсем недавно встреченного Гуго де Пейном в Лангедоке. Не похож был пилигрим и на приходских священников, носящих тонзуру¹⁰ во весь череп, утративших радость жизни и с потускневшим взглядом. Осанка странника была гордой, глаза блестели, и всем своим видом, правильной речью и манерами этот «божий человек», стоящий сейчас перед молодым

⁹ Хака – столица королевства Арагон.

¹⁰ Тонзура – (*лат. tonsura*) остриженное место на макушке у католических духовных лиц, символ отречения от мирских интересов. С давних пор существовал обычай, по которому кающиеся остригали себе голову наголо; затем этот обычай переняли монахи, а в VI в. и все христианские духовные лица. Обычай ношения тонзур духовенством узаконен четвертым толедским церковным собором 633 г. Различали два основных вида тонзур: тонзура апостола Павла, когда наголо остригалась передняя часть головы, и тонзура апостола Петра, делавшаяся на макушке в форме кружка.

рыцарем, напоминал, скорее, некогда могущественного дворянина, удалившегося от мира, нежели простого монаха. Как бы там ни было, де Пейн никак не ожидал увидеть этого человека здесь, за тысячу миль¹¹ от места их прошлой встречи.

– Приветствую вас, добрый рыцарь, – первым поздоровался монах и слегка поклонился.

– Приветствую и вас, добрый странствующий брат. К сожалению, не знаю вашего имени, но хорошо помню, как вы выручили меня в горах Испании. – Так же вежливо, с поклоном, поприветствовал пилигрима Гуго.

– Зовите меня братом Мори. Или просто Мори, если угодно. – Сказал странник.

– Какими путями оказались вы здесь, любезный брат Мори? – Спросил де Пейн, не сумев сдержать своего любопытства.

– Вообще-то, я прибыл из Труа, чтобы встретиться с вами, шевалье¹² Гуго де Пейн, – просто ответил брат Мори.

– А я думал, что вы живете где-то там, в Испании.

– Я много путешествую.

– Но как вы узнали мое имя, ведь тогда, в горах, я, кажется, так заоченел, что даже не представился? – Удивился Гуго.

– Вас хорошо знает один ваш тезка, Гуго де Блуа, граф Шампанский, который и послал меня в ваше поместье с небольшим поручением. – Сдержанно улыбнувшись, произнес монах.

– Как, вы знакомы с моим сюзереном!? Но я даже не успел заехать к нему! – Не переставал удивляться молодой рыцарь.

– И, тем не менее, граф уже осведомлен о вашем возвращении в родные края, ибо Господь посылает нам вести вовремя, – сказал брат Мори.

– Что ж, тогда по праву хозяина этого места приглашаю вас воспользоваться кровом и угощением замка Пейн. – Предложил Гуго первое, что подсказывало сердце, хотя ни хорошего крова, ни, тем более, вкусного угощения, у него на самом деле не было.

– Спасибо, буду рад, – произнес монах, которого не пришлось долго уговаривать.

И вместе они направились в замок. По дороге они говорили о том, о чем обычно всегда говорят мало знакомые люди: о погоде, о неурожайных «тощих» годах, о недавней вспышке чумы и о разбое на дорогах.

– Так какое же поручение дал вам граф? – Поинтересовался Гуго, когда гость и хозяин поднялись в башню.

– Он просил передать вам вот это. – Монах достал из-под серого шерстяного плаща небольшую дорожную сумку из толстой кожи, извлек из нее и протянул де Пейну запечатанный воском пакет из грубого коричневого пергамента. Потом извлек из сумы и положил на стол небольшой, но тяжелый мешочек.

Гуго быстро взглянул на большую восковую печать с гербом графов Шампанских и тотчас распечатал пакет. Внутри оказалось коротенькое послание от графа и грамота на владение поместьем Пейн. Написано было на норманно-французском.

«Настоящим повелеваем рыцарю Гуго де Пейну владеть замком Пейн с прилежащими к нему землями на условиях службы нам. Милостью Божьей, граф шампанский Гуго де Блуа», было написано на дорогом тонком пергаментном листе с гербовой печатью графа, а в письме говорилось следующее:

¹¹ Миля – мера длины; старая римская миля, которой пользовались в средневековье, равна 1481 м.

¹² Шевалье – принятое в средневековой Франции обращение к рыцарю, буквально означающее «всадник».

«Любезный Гуго! Извещен, что вы возвратились домой, а посему, посылаю с надежным человеком грамоту о законном владении феодем и сто золотых безантов на восстановление хозяйства. Жду вас у себя, как только сочтете возможным приехать».

Сто безантов! Какая огромная сумма! Ведь каждую из этих золотых византийских монет можно обменять на пятнадцать французских серебряных су! За восемь су можно купить барана, за двадцать – корову, за тридцать – лошадь! Первым порывом обрадованного таким внезапным подарком судьбы молодого шампанского рыцаря было отблагодарить почтенного монаха, уже второй раз принимающего столь доброе участие в его судьбе, и Гуго искренне протянул пилигриму несколько золотых. Но монах решительно отвел его руку и произнес:

– Я достаточно обеспечен, друг мой, все необходимое у меня есть, хвала Господу, а лишнего мне не нужно.

– Но, вы так добры ко мне, в горах вы спасли мою жизнь. Если бы тогда вы не появились прямо передо мной из той страшной метели, и не подали конец своего посоха, проведя меня, беспомощного мальчишку, к горному монастырю, вряд ли бы мы сейчас беседовали. Так позвольте же сделать и мне хоть какой-то скромный жест в ответ.

– Нет, друг мой, я не возьму денег.

– Но, вы же служите графу...

Гуго замолчал, поскольку понял, что сказал что-то лишнее. Он заметил, как светлые глаза монаха в одно мгновение потемнели и стали очень внимательными, как сверкнули в них колющие голубые искорки. Взгляд монаха сделался пронзительным, казалось, он прожигает собеседника насквозь.

– Вы не за того меня принимаете, мессир¹³. Так знайте, молодой человек, я не служу никому, кроме Господа. – Наконец, после паузы, твердо произнес Мори, и голос его отразился от толстых стен башни неожиданно резким эхом.

– Простите, если обидел вас, но я не нарочно. Я действительно просто хотел... Ну, знаете, пилигримы, обычно, очень бедны.

Взгляд Мори неожиданно смягчился, и он улыбнулся.

– У вас доброе сердце, шевалье, и это хорошо, ибо Господь милостив к добрым сердцам.

За разрушенными стенами замка Пейн сгущалась вечерняя мгла. С ближних болот дул холодный ветер. Тучи, идущие с севера, напоздали на бледную убывающую луну.

Тусклый огонек в верхнем этаже башни едва ли был замечен снизу. В довольно большой комнате с четырьмя узкими окнами-бойницами, около очага, в старых, грубо сработанных дубовых креслах сидели двое. Справа, вытянув к огню ноги, расположился хозяин. Слева, напротив него, сидел гость – таинственный странствующий монах Мори в своем неизменном дорожном одеянии.

Гуго де Пейн время от времени протягивал руку к аккуратно сложенным поленьям, которые он сам нарубил днем из сучковатого наполовину сгоревшего бревна-тарана, найденного в замковом дворе, и подбрасывал одно из них в огонь. Он только что рассказал монаху свой странный повторяющийся сон о всадниках и двух скрещенных грядах облаков, надеясь, что брат Мори, может быть, подскажет, как толковать кресты на знаменах и крест в небесах.

В старом очаге пылал огонь, дым от которого уходил через отверстие в потолке. Багровые отсветы ложились на предметы, непонятными, зловещими тенями плясали на стенах. Монах Мори смотрел прямо в центр огня, широко раскрыв глаза и почти не мигая, как будто видел там, в сердце пламени, нечто, подсказывающее ему странные фразы. Гость говорил

¹³ Мессир – одно из обычных обращений к рыцарю, принятых в средневековой Европе.

медленно, с паузами, как бы дожидаясь пока в глубине очага появится следующее предложение. Приятный густой голос монаха словно зачаровывал Гуго, так, что хотелось слушать, не отрываясь, и с нетерпением ожидать каждого нового слова.

– Мне многое понятно в твоём сне, добрый рыцарь, и я могу истолковать его. Во сне ты смотрел на небо, а небо означает благодать Божью. Облака на небе являют препятствия на пути твоём к Благодати, а знак креста, в который во сне твоём облака сложились, кроме всего прочего, обозначает перекресток Путей. И ты сейчас стоишь перед таким перекрестком, ибо вскоре предстоит тебе сделать важный выбор и выбрать направление пути твоего. Во сне тебе была приоткрыта дверь в будущее, и в этом сне ты видел картину из предстоящего тебе на пути твоём. Ты избран для великого и угодного Богу дела. Ты один из тех, кому выпала честь зажечь свет истины во тьме и нести его к цели Возрождения Знаний. Ты сильный, но станешь неизмеримо сильнее. Путь светлого рыцаря лежит перед тобой. И этим путем тебе предстоит идти в земной жизни. Готовься. Впереди ждут тебя великие труды и страшные битвы. Перемены близятся. Скоро соберется огромное войско под знаком креста и уйдет на Восток, в Святую Землю. Реки крови прольются. И ты, сын мой, будешь там.

– Но для чего нужно проливать реки крови? Для чего и какие знания нужно возрождать? С кем биться? С неверными? Но это только для нас они неверные, а для них неверные, напротив, мы, христиане. Я путешествовал и воевал. Пять лет назад, в 1089-м, в Барселоне, по призыву папы¹⁴ я принял крест и в Испании сражался против мавров в королевском отряде Санчо Рамиреса, но война есть война, и она жестока с любой стороны. А до этого, совсем еще юношей, благодаря покровительству и рекомендации графа Тибо Шампанского, я охранял торговые караваны, идущие из Шампани на Юг, до самых мавританских владений. Я был юн и жаждал приключений. Я учился жить у купцов и у воинов, у людей бесстрашных, умудренных большим опытом и готовых на все ради торговли. Готовых даже вести дела с магометанами ради выгоды. И, несмотря на то, что наш караван на пути в Кастилию все же разгромили разбойники, и я тогда чуть не погиб в незнакомых горах, где спасся только чудом, благодаря вашей помощи, добрейший брат Мори, я говорю спасибо судьбе, потому что с теми караванами я повидал места вовсе неведомые франкам. Я научился говорить на иберийском языке. На базарах в Валенсии, в Кордове, в Гранаде и в Толедо я мирно беседовал и с маврами, и с арабами, и с турками, и с персами, и с последователями пророка Мухамеда, и с приверженцами учения Зороастра и даже с манихеями. И я убедился, брат Мори, что все они такие же люди и имеют право на выбор своих путей, пусть даже они и не верят, как мы, в божественность Иисуса Христа.

– Да, ты молод, но видел и слышал уже немало, хотя и понял пока немного. Поэтому сначала ты должен усвоить, что мир разделен надвое, и научиться различать, что есть Свет и что есть Тьма, что есть Добро и что есть Зло. И только поняв причины, ты сможешь сделать сознательный выбор, сможешь решить, хочешь ли ты противостоять злу открыто и тайно? Хочешь ли ты выйти из под власти привычного и познать мир таким, каким он является на самом деле? Решишься ли ты отбросить внешнее во имя Истины?

– О чем это вы? – Недоуменно спросил де Пейн.

– О твоём выборе. О выборе между Богом и Сатаной. Сделал ли ты его, человеке? Отверг ли ты Сатану? – Мори пристально взглянул на собеседника, и в глазах монаха Гуго увидел странный огненный блеск.

– Разумеется. Мне не нравится Сатана. – Ответил рыцарь.

– И только поэтому ты отвергаешь его? А вдруг, ты ошибаешься? Ведь говорят, что Сатана – это падший ангел. Причем, ангел прекраснейший и сильнейший. – Мори казался

¹⁴ Имеется в виду призыв папы Урбана II к крестовому походу против мавров в 1089-м году. Не путать с позднейшим призывом этого же понтифика к крестовому походу на Иерусалим в 1095-м.

явно заинтересованным этой темой. «И к чему он задает такие вопросы, если ответ на них ясен для любого христианина?» – Подумал Гуго, и ответил:

– Пусть говорят что угодно, но раз Господь отверг его, то и я отвергаю.

– Что ж, в таком случае, твой выбор зиждется на авторитете Господнем, но не на понимании. – «Какой странный этот монах!» – Подумал рыцарь и произнес:

– Но вера и не требует понимания. Главное – верить. Разве не так говорят отцы церкви?

– А имеют ли они право говорить так? – После этой фразы монаха Гуго опешил. Несколько долгих мгновений он не знал, что и ответить, потом вымолвил:

– Вы монах, брат Мори, у вас на груди поверх одежды висит крест¹⁵, а значит, вам и виднее. Вы гораздо ближе к церкви, чем я. Я же мирянин, простой рыцарь и мало что смыслю в церковных делах.

– И неужели ты никогда не задумывался об основах этого мира?

– Об основах?

– Да, да, об основах. О началах и причинах сущего, о цели каждой человеческой жизни и о пути развития всего человечества, о добре и зле, о Боге и Дьяволе?

– Я полагаю, что об этом все написано в «Священном Писании».

– И что же ты понял из него? Для чего живет на земле человек? Что такое добро и зло? Кто такие Бог и Дьявол?

– Ну, человек живет, чтобы плодиться и размножаться. Добро – это христианство, а зло – язычество. Дьявол есть павший ангел, а Господь Бог наш – Иисус Христос.

После этих слов молодого рыцаря монах улыбнулся и проговорил:

– Что ж. Ты ответил так, как ответит, наверное, любой обычный христианин, непосвященный в тайны устройства мира.

– О каких тайнах вы говорите, брат Мори?

– Я говорю о тех величайших тайнах, что сокрыты в седой глубине времени, о тайнах, что спрятаны за словами Священного Писания, я говорю о вещах, давно забытых людьми и недоступных, к сожалению, давно уже, пониманию большинства. И причин тому много. – Страстно произнес монах, и в глазах его вновь сверкнули огненные искры.

– Позвольте же узнать, что это за тайны.

– Всему свое время, друг мой. Может быть, когда-нибудь я расскажу тебе, как зарождался этот мир, как произошло Разделение Сил, как впервые случилась Великая Битва, как в огне минувших эпох бился Свет с Тьмою, как наступали полчища ужаса, как падали ангелы, как погибали в страшных муках величайшие воители прошлого, как уходили в пучину океанов Благословенные Земли.

– Но откуда вам известно все это?

– Из истории.

– Но меня тоже учил истории один пожилой отшельник, и он говорил, что история началась с правителей Вавилонских и с фараонов Египта, а до этого у людей не было ни знаний, ни государств.

– И твой учитель был прав. История нынешнего человечества начиналась именно так. Но это не первое человечество на Земле. До него были и другие.

– Как же так?

– С тех пор, когда на Земле в первый раз появились люди, мир изменялся в результате противостояния сил Света и Тьмы уже не однажды, и тьма, к сожалению, победила в последней Великой Битве. Именно потому сейчас мы все живем в мире, управляемом силами зла. А великое и светлое прошлое забыто, ибо память о светлом мире тьма вытравляла тысячами. И лишь единицы передавали из поколения в поколение память о прошлом и про-

¹⁵ Крест поверх одежды разрешалось носить только лицам духовного звания.

несли крупницы светлого знания через века. И я один из тех, кто еще кое-что помнит и знает. Возможно, даже, когда-нибудь я расскажу тебе все, что знаю сам о тех далеких событиях, но сейчас время это еще не пришло. Лучше поговорим о тебе.

– Да, что уж обо мне говорить! Я только что вернулся с войны, родители мои мертвы, а замок разорен. И я даже не представляю, что делать дальше! – Воскликнул Гуго.

– Вот об этом я и хочу сказать тебе. Ибо дано мне провидеть, что путь Рыцаря Света лежит перед тобой. Но путь этот тернист и опасен. Ибо зло повсюду. Глаза и уши властелина тьмы смотрят и слушают из мрака ночного, из коры деревьев, из старых стен, сквозь тела недобрых тварей и злых людей. Смотрят и слушают отовсюду, где есть почва для темных ростков. Ведь все сущее в нашем мире несет в себе как Свет, так и Тьму, как добро, так и зло, как Господа, так и Дьявола. И там, где того или иного больше, создается определенная почва, определенная атмосфера, светлая или темная. И каждый человек в своей жизни обязательно делает выбор между Богом и Дьяволом.

– Значит, и Дьявола можно выбрать?

– И многие, к сожалению, выбирают. Чаще неосознанно. Посмотри на тех, кто убивает невинных, вероломствует, обирает себе подобных, развратничает и богохульствует, издевается над слабостью и глумится над бедностью. Эти люди не дают себе отчета в своих деяниях, они не ведают, что творят, тьма застилает им глаза. Они думают, что выбрали свет и закон, а, на самом деле, ими, как марионетками, напрямую руководит князь тьмы, и хаос разрушения является для них законом. И идут такие люди прямо во врата ада. Душам их уже не спастись.

– Но даже самым закоренелым грешникам церковь отпускает грехи.

– Церковь отпускает грехи на земле. Но отпущены ли они на небе? Ты можешь это проверить?

– Но Христос прощал даже тех, кто распинал его.

– Потому что те, кто делал это, лишь выполняли чужую волю. Но простил ли он Кайфу, простил ли Иуду? Можно простить многих, но не всех. Те, в душе коих не осталось света и доброты, не могут быть прощены, и с таковыми нужно сражаться во Имя Божие.

Так говорил странствующий монах Мори. И все, что он говорил, навсегда запечатлевалось в памяти Гуго. Они беседовали долго. Речь пилигрима была пропитана глубоким знанием Святого Писания и философии отцов церкви, но были в ней и моменты, сильно напоминающие учения зороастрийцев, манихеев и катаров о добре и зле, хотя в его устах все это звучало совсем по-другому и гораздо более убедительно.

И в ту ночь молодой де Пейн впервые за долгое время спал спокойно. Он понял, что каким-то необъяснимым образом монах знает о его, Гуго де Пейна, тайных размышлениях и исканиях, но Гуго не удивлялся и не боялся этого. Он чувствовал, и почему-то даже был уверен, что загадочному страннику можно полностью доверять. Более того, с появлением монаха, Гуго не покидало странное чувство, что он находится под защитой, и пока монах рядом, не может произойти ничего плохого.

Но следующий день, понедельник, начался с неожиданностей. Не успели Гуго с монахом проснуться и спуститься вниз с башни по естественным надобностям, как Симона принесла из деревни плохие вести.

– Сударь, – говорила старая женщина сквозь слезы, – в деревню вернулись разбойники. Они сейчас забирают последнее добро у Норгов, и я боюсь, что скоро они будут здесь.

– Сколько их? – Спросил Гуго, чувствуя, как неприятный холодок забирается под одежду.

– Я видела семь всадников.

– Вы сможете обороняться, брат Мори? – Спросил де Пейн монаха. – Похоже, нам придется сражаться за свою жизнь.

– Значит, будем сражаться, – спокойно ответил монах, так, как будто ничего не случилось.

Гуго спешно поднялся обратно в башню, облачился в кольчугу, надел свой простой стальной шлем, пристегнул к поясу кинжал и меч в черных кожаных ножнах. Затем, взяв большой щит покойного Арчи де Веро, снова спустился во двор. Брат Мори уже невозмутимо стоял посреди двора. Вместо оружия он держал за середину так, как держат копье, свой увесистый деревянный посох. Гуго вышел из башни как раз вовремя: четверо всадников уже подъезжали к развороченным воротам замка.

Две черные точки быстро спустились с небес и, обратясь двумя большими старыми воронами, уселись на верхней кромке арки ворот. Де Пейн выхватил из ножен клинок, поднял щит и приготовился к битве. Два ворона, сидящие наверху, злое закаркали, словно предвещая скорую гибель молодого хозяина Пейна и странствующего монаха.

Гуго знал, что шансов одолеть пешим четверых хорошо вооруженных всадников свирепого вида, ухмыляющихся в предвкушении легкой победы, у него нет совсем никаких, но сдаваться на милость злодеев рыцарь не собирался. К тому же, рядом был брат Мори, хотя на его помощь молодой воин не слишком рассчитывал: ну что монах сможет сделать деревянной палкой против мечей? Конечно, можно было бы остаться в башне, попытаться завалить изнутри дверь, но без припасов осаду все равно не выдержать. Гуго предпочитал погибнуть на поле боя.

Разбойники только что въехали под арку ворот, когда произошло неожиданное: внезапно монах поднял над головой посох, закатил глаза и раскатисто, не своим голосом, произнес какую-то короткую фразу, значение которой Гуго не понял. Но результат был потрясающим: мгновенно поднялся ветер, из безоблачного неба грянул гром, сверкнула ослепительная молния, дрогнула земля, и тяжелая каменная арка рухнула прямо на головы проезжающих, полностью завалив всадников вместе с их лошадьми. Причем, все случилось так быстро, что лошади даже не успели заржать перед смертью.

Несколько мгновений обескураженный Гуго стоял в недоумении, глядя, как оседает серая пыль над местом завала, и как, громко и истерично каркая, улетают прочь две злое птицы.

– Как вам это удалось? – Наконец, обретя дар речи, спросил он монаха.

– Сила молитвы способна творить чудеса. Разве ты никогда не слышал об этом? – Сказал странник, и глаза его сверкнули.

– И кому же вы помолились сейчас, брат Мори? На каком языке? Почему я не понял ни слова? – С явным недоверием в голосе спросил де Пейн.

– Эта молитва на тайном языке нашего братства, и обращена к Господу Богу, друг мой, ибо властен Он как создать, так и разрушить во имя добра. Как, например, волею Его разрушились сейчас эти ворота ради спасения от слуг Дьявола нас с тобой.

– Ну вот, теперь и ворота, и арку над ними придется строить заново. – Пробормотал, все еще не пришедший в себя, Гуго, первое, что пришло ему на ум.

Подождав, когда осядет пыль, они подошли к завалу. Из-под упавших камней вытекала тонкими струйками еще горячая кровь поверженных врагов, и холодный воздух над ней дымился.

– Женщина сказала, что разбойников семеро. Но пока Господь наказал только четырех негодяев. – Сказал брат Мори, осторожно взбираясь на камни завала.

– Я почти уверен, что остальные трое все еще потрошат беднягу Норга. Кстати, у него обе мои лошади. – Проговорил Гуго, бросив тяжелый щит и взбираясь на завал следом за монахом.

– Так поспешим, ибо мой конь тоже остался у этого кузнеца. – Произнес странник, проявивший неожиданное проворство при преодолении препятствия и первым выбравшийся из замка через образовавшийся на месте ворот завал.

Чтобы не быть заранее обнаруженными, они быстро взяли в бок от дороги и припустили почти бегом сквозь невысокий кустарник к усадьбе кузнеца.

Монах и рыцарь успели вовремя. Два дюжих молодца в кольчугах уже нагружали награбленным добром пегих лошадок де Пейна и красивого белого жеребца пилигрима. А третий ходил вокруг стен деревянного дома и поджигал факелом аккуратно сложенные охапки хвороста.

На этот раз брат Мори не стал молиться. Он дал знак рыцарю, и они одновременно выскочили из-за кустов. Атака монаха была стремительной. Одним огромным прыжком он преодолел расстояние, отделяющее его от ближайшего противника, и точным движением опустил свой тяжелый посох на голову грабителя. После чего тот рухнул без сознания, не успев даже вскрикнуть. Не давая врагам опомниться, монах бесстрашно кинулся на человека с факелом, и, несмотря на то, что тот выставил впереди себя большой кинжал, ударом посоха поверг наземь и его.

Гуго повезло меньше. Выбираясь из кустов, он зацепился за ветку и чуть-чуть замешкался, что дало его противнику время выхватить меч. С гулким металлическим звоном клинки встретились. Рыжебородый грабитель был старше, выше и тяжелее де Пейна. К тому же, он мастерски владел мечом, что выдавало благородное происхождение этого человека, поскольку в те времена только люди из властвующего сословия имели право носить оружие и могли позволить себе с детства серьезно упражняться в боевых искусствах.

Но и Гуго, будучи потомком старого франкского рода, хорошо управлялся с длинным обоюдоострым клинком. Сколько он себя помнил, его учили обращаться с оружием. С шести лет с ним каждый день занимался Жофруа Олеран, старый солдат, ветеран дружины отца. Сначала маленький Гуго освоил детский деревянный меч, потом настоящий кинжал, потом маленький, почти игрушечный, лук. Когда же, к девяти годам, мальчик научился уже уверенно ездить верхом, его стали приучать к тяжести доспехов и к владению коротким копьем. С десяти лет он также начал осваивать небольшую палицу. В одиннадцать у него появился новый учитель Арнольд де Валиньи, настоящий, хотя и безземельный рыцарь, побывавший во многих битвах.

Длинное копье, короткий меч и тяжелого боевого коня де Пейну доверили только в четырнадцать лет, когда Гуго стал одним из оруженосцев старого графа Теобальда Шампанского. Но настоящий рыцарский меч де Пейн получил, как и все рыцари, вместе с поясом и золотыми шпорами в момент посвящения. Произошло это в его семнадцать лет. А потом последовали годы приключений: походы с караванами в Испанию, служба при дворе короля Арагона, да и много чего еще...

А противник, между тем, уверенно наступал, нанося своим тяжелым мечом мощные рубящие удары, от которых Гуго, так же, как и в поединке на лесной дороге с Арчи де Веро, едва успевал уворачиваться. Хотя у противника на этот раз и не было щита, но, помимо роста, массы и мышечной силы, он обладал и другим заметным преимуществом над Гуго де Пейном: у рыжебородого поверх кольчуги был надет прочный панцирь в виде перехлестывающихся металлических пластин, пришитых на прочную основу из грубой кожи. Такой панцирь пробить мечом было почти невозможно.

Но, опыт, полученный в опасных приключениях, не пропал для де Пейна даром. На войне с маврами он научился нескольким хитрым приемам мечного боя, один из которых и применил. Улучив момент, Гуго сделал молниеносное круговое движение своим мечом, результатом чего явилось выпадение оружия из руки противника. И острие клинка рыцаря тут же уперлось в незащищенный доспехом кадык грабителя. Кольчуги в то время еще дела-

лись, по большей части, без капюшона, панцири – без защитного стального воротника, а многие шлемы изготавливались без забрала. Поэтому рыцарь во время боя мог прикрывать лицо и шею только щитом.

– Сдавайся, разбойник, или отправишься в ад! – Сурово произнес де Пейн.

– Я не разбойник. Я такой же рыцарь, как и вы, сударь. Перед вами барон Бертран де Бовуар, – хрипло проговорил побежденный.

– Грабить мирных людей недостойно рыцаря, а тем более барона. Вы опозорили это звание. И будете наказаны. – Гуго говорил жестко, и в его голосе не чувствовалось и тени жалости к этому закованному в доспехи верзиле, похожему на огромного рыжего кабана.

– Надо их связать, – сказал подоспевший брат Мори, уже раздобыв где-то длинную веревку.

Монах тут же заломил, стоящему перед де Пейном и с ненавистью глядящему на него детине, руки за спину и туго стянул их несколькими узлами. В это время один из разбойников, оглушенный посохом пилигрима, начал приходить в себя. Гуго убрал клинок в ножны и помог монаху связать всех троих грабителей вместе, спиной к спине и обыскать их, чтобы отобрать все, спрятанное под одеждой, оружие. Оставив обезоруженных разбойников привязанными к коновязи, Гуго с братом Мори затушили, начавший уже разгораться, хворост, сложенный около бревенчатых стен, и вошли в дом кузнеца, откуда все это время слышались крики о помощи.

Глава 4

Друзья

В просторной избе Норгов царил страшный беспорядок. Перевернутые деревянные скамьи, разбросанная домашняя утварь и разбитая глиняная посуда устилали пол комнаты. Старый кузнец, его младший сын Эндрю и служанка Аглая были жестоко избиты и заперты в чулане, откуда и раздавались их крики, а дочка Стефания в непотребной позе была прикручена веревками к ножкам стола. Гуго с братом Мори быстро освободили этих несчастных, плачущих людей в изодранных одеждах.

– Этот изверг забрал все мое добро и изнасиловал мою дочь! Я убью его! – Едва освободившись, возопил старый Норг и, увидев связанного Бертрана де Бовуар, схватился за толстую ржавую кочергу, прислоненную к притолоке.

Но его, уже занесенную для удара, руку вовремя перехватил, оказавшийся рядом, монах Мори.

– Успокойтесь, любезный, не берите грех на душу! Ваше добро не успело уйти далеко. Оно смиренно покоится в тюках, которые мы с благородным сеньором де Пейном только что отобрали у разбойников. А что касается этого преступника, то божья кара настигнет его очень скоро, вот увидите. Его будет судить сам граф Шампанский, а он справедливый правитель. – Успокоил кузнца странствующий монах.

Тем временем Гуго пытался как-то утешить дочку Норга, худенькую светловолосую девочку лет пятнадцати, которая теперь сидела на грязной ступеньке крыльца, кутаясь в лохмотья, и громко рыдала, захлебываясь слезами. Ему было до глубины души жалко невинно пострадавшего ребенка. Глядя на нее, Гуго вспомнил совсем другую, хотя благородную и знатную, но такую же худенькую и светловолосую девочку с большими голубыми глазами, встреченную им однажды в юности. То была Кристина де Селери, первая любовь де Пейна. Да, когда-то сердце юного рыцаря пылало от любви...

Но то время безвозвратно прошло. Несколько лет назад ему сообщили, что Кристина вместе со всеми своими родственниками погибла во время осады одним из могущественных соседей, маркизом Идрабаньо, замка ее отца, славного, но небогатого рыцаря Ангерана де Селери, трубадура из Лангедока.

По дороге домой Гуго побывал на развалинах того небольшого деревянного замка. Среди выжженных руин он нашел только маленькую иконку Девы Марии, обгоревшую по краям, и берег ее теперь, как единственную память о погибшей любви. Он хотел отомстить маркизу, хотел вызвать его на поединок, но, к тому времени, когда Гуго получил страшное известие о гибели любимой, маркиз Идрабаньо уже вместе с женой и детьми пал жертвой чумы, и мстить стало некому.

Расчувствовавшись и поддавшись порыву жалости, Гуго вытащил из кошелька, присланного графом Шампанским, и протянул дочке кузнца несколько золотых монет. Увидев блеск золота, она удивилась щедрости своего господина и даже сразу перестала плакать.

– Сюда, кажется, едет кто-то еще. – Голос брата Мори неожиданно раздался возле самого уха Гуго де Пейна.

Рыцарь взглянул на дорогу. По ней быстро приближалась к Пейну новая группа конных. На этот раз это был довольно большой отряд.

Четыре десятка всадников на свежих ухоженных лошадях были хорошо вооружены. Их кольчуги сверкали недавно начищенной сталью. На раздвоенных флажках, которые развивались над кавалеристами на концах поднятых копий, четко выделялся герб Шампани: косая лазурная полоса на синем фоне. Вне всяких сомнений, это были ратники сеньора всех

окрестных земель графа Шампанского из могущественной династии Блуа. Воины быстро подъехали к кузнице и окружили ее со всех сторон вместе с де Пейном, с семейством старого Норга и с тремя пленниками. А монах Мори куда-то исчез, словно провалился сквозь землю.

– Я Андре де Монбар, капитан стражи Труа, – не слезая с лошади, подняв правую руку, представился человек с волосами цвета зрелой пшеницы, еще молодой, но, судя по манере держаться, уже бывалый суровый воин, командир отряда. – По повелению графа Шампанского мы преследуем этих людей, которых вам, доблестный рыцарь, вижу, удалось задержать. Мне поручено доставить этих разбойников на суд графа. Люди Бертрана де Бовуар бесчинствуют в землях Шампани и наводят ужас на крестьян уже второй год. Что еще они натворили здесь? И нет ли, случайно, среди ваших пленников самого Бертрана де Бовуар, младшего сына ныне покойного барона Робера де Бовуар? Простите, с кем имею честь говорить?

– Вон тот рыжий громила и есть тот самый Бертран. Но я победил его в честном бою, и он теперь мой пленник. А говоришь ты с шателеном¹⁶ Гуго де Пейном, хозяином Пейна. Так что к вашим услугам. – Сказал Гуго и повернулся лицом к командиру отряда.

Он давно знал Андре де Монбара. Баронство Монбар располагалось довольно близко, в двадцати пяти милях южнее Пейна. Хотя и считалось, что Монбар находится уже за пределами Шампани, на землях герцогства Бургундского, но издавна владельцы Монбара присягали на верность только графам Шампанским, поэтому Монбар представлял собою как бы маленький шампанский анклав на земле соседней Бургундии и не был подвластен Бургундскому герцогу.

Родители Гуго очень мало общались с соседями, но отец Гуго де Пейна изредка навещался в гости к хозяину Монбара, с которым их связывали общие воспоминания о военных походах. Иногда старый рыцарь брал единственного своего сына с собой. Таким образом, маленький Гуго просто не мог не познакомиться с сыновьями барона де Монбара, владельца феода гораздо большего, чем Пейн. Старшие братья, конечно, мало общались с маленьким Гуго, но Андре де Монбар был старше наследника Пейна всего на полтора года, и они с Гуго довольно часто играли вместе.

Потом, уже при дворе графа Шампанского, де Монбар не раз помогал юному Гуго избегать многих неприятностей, связанных с его плохим знанием придворных порядков. Ведь наставник Гуго, старый монах Аквиор, совсем не учил мальчика поведению при дворах сильных мира сего, а Андре, напротив, обучали, в основном, именно этому. В играх и боевых занятиях Андре всегда был сообразительнее, сильнее и быстрее Гуго, наверное, поэтому теперь Андре сделался военачальником – капитаном городской стражи столицы Шампани.

– Да неужели же это ты, славный Гугон! Дай же я посмотрю на тебя, дружище! Сколько лет прошло! Прости, что не узнал тебя сразу, но с этим испанским загаром и бородой ты, ей богу, больше похож на мавра, чем на шампанского рыцаря! – Капитан соскочил с лошади и заключил де Пейна в свои объятия, как в железные тиски.

– Думаю, мне представляться не нужно. – Скромно сказал де Монбару брат Мори, неожиданно возникнув из тени кузницы старика Норга, причем, де Пейну показалось, что монах появился даже не из самой тени, а вышел из затененной стены кузни, хотя никакой двери в той стене никогда не было.

– Рад встрече, аббат! Не ожидал увидеть вас здесь! – Узнав монаха, воскликнул капитан, тут же отпустил Гуго и улыбнулся брату Мори, как старому доброму знакомому, обнажив белые крепкие зубы. Они вдвоем отошли в сторону, за угол кузни, и некоторое время о чем-то говорили там с глазу на глаз. Затем Мори подошел к молодому хозяину Пейна и сказал:

¹⁶ Шателен – владелец замка.

– Любезный Гуго, мне придется покинуть тебя. Срочные дела торопят в дорогу.

– Простите меня, ваше высокопреосвященство, я и не подозревал, что вы аббат и обращался с вами как с простым монахом. – Сказал смущенный де Пейн.

– Нет причин оправдываться, сын мой. Я доволен твоим гостеприимством, славный рыцарь, и, надеюсь, что скоро наши пути вновь пересекутся. Ибо ты найдешь меня в Труа, при дворе графа Шампанского. А сейчас тебе необходимо позаботиться об этих бедных людях. – Движением руки аббат Мори указал на уже собравшихся вокруг кузницы немногочисленных жителей деревни и продолжал:

– Пока опасность открытого нападения тьмы миновала. Какое-то время Пейн будет в безопасности. К тому же, капитан оставит здесь нескольких ратников для охраны. А в самое ближайшее время я пришлю сюда из Труа обоз с продовольствием и толкового управляющего.

– Вы очень добры, но сколько же я буду должен за такие услуги? – Спросил де Пейн и полез в кошелёк. Но аббат остановил его порыв, сказав громко и твердо:

– Ты ничего не должен мне, добрый рыцарь. Ибо мы – братья во Христе, а помогать голодающим людям – обязанность святой церкви. Прошу лишь об одном одолжении. Приезжай в Труа за пару дней до Пасхи. Ты узнаешь много интересного. К тому же, граф Шампанский был бы рад видеть тебя.

– В таком случае, передайте мою огромную благодарность графу Шампанскому и скажите, что я обязательно прибуду в Труа перед праздником.

Они попрощались, и аббат отошел к своему прекрасному белому жеребцу.

Тем временем, ратники еще раз обыскали плененных грабителей, а затем подняли их с земли. Главаря разбойников, поскольку он был знатного происхождения, со связанными руками посадили на коня, а его людей привязали к седлам на длинных веревках, так, чтобы они имели возможность самостоятельно следовать пешком за лошадьми. Наконец, воины Шампани вновь заняли свои места на спинах коней, и напоследок Андре де Монбар еще раз обратился к Гуго де Пейну:

– За эти годы я почти ничего не слышал о тебе, но я всегда с радостью вспоминаю те времена, когда мы были детьми, посему не пропадай. Бог даст, мы скоро встретимся в Труа, и ты расскажешь старому другу о своих подвигах. Я квартирую в Сторожевом замке. Буду ждать тебя, приезжай.

– Я уже пообещал аббату быть в Труа до Пасхи и обязательно приеду, – сказал Гуго.

– Вот и славно. Надеюсь, ты наведишь меня сразу же по приезде? А пока от имени графа Шампанского я благодарю за поимку преступников и оставляю тебе для охраны феода четырех человек. И до встречи. – Произнес капитан перед тем, как лошади ратников тронулись медленным шагом, уводя за собой на привязи грабителей. По приказу капитана четверо всадников отделились от отряда и, спешившись, подошли к де Пейну, чтобы представиться.

Гуго вместе со всеми своими немногочисленными поданными вышел на дорогу, чтобы посмотреть, как уезжают ратники де Монбара. Окруженный четырьмя оставленными капитаном воинами и дюжиной полуголодных оборванных крестьян, молодой хозяин Пейна стоял и смотрел на удаляющийся отряд дружинников графа. Через некоторое время всадники и их лошади сделались уже совсем маленькими, серым пятнышком приближаясь к горизонту. И на фоне этого пятнышка еще долго четко выделялся белый конь аббата Мори, пока и он окончательно не растворился в дали на границе леса. «Кто же этот таинственный странник, проповедующий учение о добре и зле, словно катар, но оказавшийся даже не просто странствующим монахом, а аббатом и доверенным лицом самого графа Шампанского? Откуда он? Почему этот аббат, да и сам граф так прониклись заботой о никому не известном, небогатом и не очень знатном рыцаре, каким, в сущности, являлся он, Гуго?» – задавал себе вопросы де Пейн и не находил ответов ни на один из них.

Сразу же после отъезда отряда де Монбара на Гуго де Пейна навалились все хозяйственные заботы. Набег разбойников действительно причинил его и без того обнищалому поместью серьезный ущерб. Замок окончательно разрушен. Теперь, чтобы проникнуть во двор, нужно каждый раз перелезть через высокий завал, из-под которого уже доносится трупный запах. Вдобавок ко всему, в деревне разбойниками почти полностью уничтожены и весьма скромные продовольственные запасы, а малочисленное население запугано.

Молодой рыцарь заночевал в доме пастуха Лустиньяна, ветхая хижина которого находилась на самом краю деревни. Жилище оказалось совсем убогим. Старые бревна прогнили, в соломенной кровле зияли дыры. На грязном земляном полу стояла грубо сработанная простая мебель: две лавки, старый сундук и стол. Тут же бегали куры, жили две козы и тощая корова – все, что осталось от некогда большого деревенского стада. К тому же, весьма дурно пахло. Но неудобства не смущали Гуго. За время военных походов он научился спать и не в таких условиях. Конечно, с большим удовольствием он разместился бы у Норга или у Симоны с Аделией, но там место уже было занято, поскольку де Пейну пришлось расквартировать в деревне четырех ратников, оставленных капитаном стражи Труа для охраны Пейна.

К радости Гуго, уже на следующий день после обеда под охраной еще из пяти воинов из столицы Шампани прибыл, обещанный аббатом Мори, продовольственный обоз. В нем оказалось столько всякой снеди, что теперь голод не грозил обитателям Пейна, по крайней мере, до следующего урожая. Силами вооруженной охраны, которой Гуго заплатил золотом, припасы были сгружены с телег и временно сложены в два больших старых сарая. Вместе с обозом приехал и новый управляющий, пожилой человек по имени Жером Дюбуа. Он передал де Пейну записку от графа Шампанского о своем назначении и привет от капитана Андре де Монбара, и повторил приглашение приехать в Труа. Де Пейну стало приятно: он ощутил, что здесь, на родине, несмотря на его семилетнее отсутствие, несмотря на смерти близких и плачевное состояние поместья, у него есть друзья, и друзья весьма влиятельные.

Несколько дней Гуго сам раздавал припасы крестьянам и только убедившись, что никто не обделен, в начале новой недели он поручил все дела поместья новому управляющему, Симоне и кузнецу Норгу, которого крестьяне избрали деревенским старостой, оставил замок под охраной четырех дружинников де Монбара, собрался в дорогу и выехал в Труа.

Начинался ясный день. По лазурному небу, подгоняемые легким ветерком, плыли редкие облачка, красивые и белые, Гуго поднял голову и взглянул на них. И на какой-то миг ему показалось, что его жизнь по-настоящему еще и не началась, что все светлое и хорошее ждет впереди.

Весеннее солнце уже слегка припекало, когда молодой всадник на пегой лошади подъехал к Труа. За время его отсутствия старый деревянный частокол вокруг города был частично заменен каменной стеной с башенками. Конечно, эта не очень высокая стена не шла ни в какое сравнение с другими городскими стенами, виденными Гуго де Пейном в путешествиях: с могучими, сложенными из огромных блоков, стенами Альгамбры, с двойными стенами Барселоны, с тройными стенами Толедо, с мощными укреплениями Каркассона и Тулузы или даже с высокими, заново отстроенными, стенами столицы Арагона Хаки. Но для столицы Шампани и эти не слишком прочные стены с невысокими башенками являлись вполне достаточной защитой: мало кто сейчас решится пойти войной против могущественного графского дома Блуа. Правда, в прошлом осталось и то время, когда дом Блуа сам осмеливался открыто воевать с королями, как делал это дед нынешнего графа, Эд-второй де Блуа, когда-то бросивший вызов сразу двум могущественнейшим монархам Европы: королю Франции Роберту Благочестивому и императору Германии Конраду. Теперь же времена изменились, после череды неурожаев и губительных эпидемий центральная Франция,

а вместе с ней и Шампань не обладала уже былой силой, и дом Блуа давно не искал ссор с королями. С другой стороны, за прошедшие десятилетия и королевская власть ослабла настолько, что королю Филиппу не было никакого смысла ссориться со своими ближайшими соседями-вассалами, обладающими, к тому же, значительно большей военной силой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.